

Павел Александрович Попов родился в 1962 году в городе Воронеже. Окончил физический и исторический факультеты Воронежского государственного университета. Кандидат исторических наук. Работал журналистом. Фотохудожник, краевед. Доцент Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Автор более тысячи публикаций, а также многих книг историко-краеведческого содержания. Лауреат региональных литературных и журналистских премий. Член Союза писателей, Союза журналистов России. Живет в Воронеже.

Павел Попов

МОЕ ВОРОНЕЖСКОЕ ДЕТСТВО

(Жизнь через призму давних впечатлений)

4. КОЛБАСУ — ПАВЛИКУ, ТРЕСКУ — КУЗЕ, ИЛИ КАК МЫ КУШАЛИ

За столом в будни и в праздники

Кому-то будет удивительно, но в нашей семье на рубеже 1960-х и 1970-х годов не было особых разговоров о том, кто и что любит есть. Или не любит есть. И я просто не придавал повседневной еде особого значения.

Если готовил отец, то на завтрак традиционными были докторская колбаса с картофельным пюре или с яичницей-глазуньей и чай со сдобой. На обед мама часто варила «настоящий», свекольный, борщ, что повелось от бабушки Сони. Папа варил борщи и супы не меньше, чем мама. И в его исполнении мне больше всего нравился зеленый борщ со щавелем и яйцами. На ужин мне всегда давали выпить кефир. Летом отец часто готовил окрошку. Для этого ходил с трехлитровой банкой на другой конец нашей улицы — за квасом, который наливали возле хлебозавода из цистерн. Такие небольшие цистерны в виде прицепов к грузовикам развозили по всему городу. Но около хлебозавода всегда стояли цистерны с лучшим, свежим квасом.

В доме всегда было много рыбы: она воспринималась как самая простая и дешёвая еда. И, конечно, много овощей и фруктов из магазинов и добавок из дедушкиного сада.

Папа и мама не жалели рублей и копеек (иногда последних), чтобы приготовить столы к своим дням рождения. Что же ели и пили за столом?

Праздничное меню почему-то помню лучше, чем будничное.

Насколько часто теперь стоит коньяк на столах, настолько редко он стоял тогда. Однако покупали с запасом водку, вино сухое и крепленое и ситро двух видов (тогда редко говорили «лимонад»). Чтобы, не дай Бог, у кого-то из гостей опустели рюмки или бокалы. Дядя Коля привозил из кавказских походов по несколько бутылок настоящих грузинских и абхазских вин. Не ленился тащить их в рюкзаке на другой край света. И родственники употребляли эти вина, растягивая расход бутылок до следующего дядиного отпуска.

Шампанское обычно не ставили: ведь оно совершенно мешало питию кавказских вин. Но иногда бутылку шампанского приносил кто-нибудь из маминых гостей. И тогда собравшиеся воспринимали напиток как развлечение: стреляет, пенится.

Один раз папу кто-то отвлек во время открывания шампанского. Пробка с громом выскочила неожиданно для него, и струя полетела из бутылки прямо в гостей! Папа среагировал, попытался изменить направление струи — и в результате облил всех, кто сидел за столом (кроме себя).

Я пил, сколько влезало, ситро «Дюшес» и самый вкусный напиток «Грушевый», с истинным вкусом груши. Они были в городе всегда и везде. Продавали ещё и собственно «Лимонад» (может, для отличия от «ситро»). Реже, не постоянно, в магазины завозили вишневый «Крюшон» (а «Буратино», «Байкал» и «Тархун» начали производить чуть позже). Детям спиртное строго не наливали ни капли. Все остальное со стола они потребляли наравне со взрослыми. Многие одноклассники говорили мне, что им давали впервые попробовать вино в семье, когда они были в восьмом классе. Или, по-другому, когда им исполнилось шестнадцать лет. Получается, такой возраст был своеобразным мерилем детства: кончилось оно или нет. (Кстати, когда я устроюсь работать в вечернюю школу, там мне сообщат, что девочки из рабочих семей начинают спать с мальчиками тоже с восьмого класса...)

Традиционными столовыми закусками были салат из овощей и винегрет. Как и теперь, нарезали в тарелки сыр, колбасу и ветчину кусочками. Мама привозила из московских командировок сыр «рокфор», которого тогда все пугались. Часто гости наотрез отказывались даже попробовать его:

— Ира, да ведь это плесень! Противно! Отравимся!

А маме он очень нравился.

Красную и черную икру в моем раннем детстве, кажется, приобретали в Воронеже. А потом ее стали привозить к праздникам из Москвы. Но я к ней был абсолютно равнодушен как к непривычному продукту.

К водке папа обязательно покупал вкусной селедочки в ближних магазинах. Клад ее в селедочницу вместе с лучком, лимонными дольками и зеленым горошком. Тогда горошек считался не дефицитом, но деликатесом, и его нередко подавали безо всего в отдельной небольшой салатнице. Отец также был мастером выбирать в магазине копченую рыбу и большим любителем кушать ее.

По-моему, гости ни у кого больше не отвеживали таких отменных грибов, как у моего папы.

— Шурик! Неужели ты сам?..

Отец мариновал и солил грибы поздними летними вечерами, когда мы возвращались из подворонежских лесных путешествий. Мы понемногу уплетали их и по будням — за ужином, вместе с жареной картошкой.

Грибы, как и яблоки из сада, часто привозили целыми мешками. И отец находил время — возился с ними. Доверху засыпал грибами ванну, чтобы промыть их или немного вымочить. Лисички и дождевики быстро попадали на сковородку. Черные грузди папа вымачивал, только потом жарил. Белые грузди и рыжики солил как более редкие грибы. Белые, подберезовики, подосиновики и моховики мариновал, если на следующее утро не спешил на завод. Или отправлял их в общую кучу на сковородку.

Ни одна осень не обходилась без щедрого сбора опят. Ездили за ними не только на «Москвиче», но и на электричке. К самым лучшим опятовым полянам на месте санитарных рубок леса, между Шуберским и Синицыно, не было проезжих дорог для легковой машины. А бродить пешком от платформы железной дороги — одно удовольствие. Опята всегда без червей, их легко мыть и чистить — они самые удобные для домашних заготовок. Отец хорошо уловил, сколько добавлять уксуса (много, но не излишне), чтобы не консервировать опята, а мариновать (и накрывать баночку бумажечкой). Баночки хорошо хранились в неэлектрическом холодильнике под кухонным окном. Да только далеко не все вмещались. И мы раздаривали опят родственникам. А если отец выкладывал их на день рождения, то добавлял к ним свежий мелко резаный чесночок и незамаринованный черный перец.

Для меня самыми вкусными были маслята. Но сколько возни с ними, с липкими! Шляпки маслят очищали всей семьей: ножи брали и мама, и я. Долго мыли. Не оставляли ни одной песчинки. Ведь в этом и кроется «секрет» того, что за всю жизнь у нас ни разу не болели животы после грибов. Ныне многие люди не верят, что съедобными грибами отравиться невозможно. Я абсолютно уверен. Но с одной поправкой: съедобные, то есть правильно собранные, должны быть еще и правильно приготовленными...

В 1970-е годы папа наловчился подавать к праздничному столу шашлыки. Для них покупал на рынке исключительно баранину. Кстати, дядя Коля за столом не забывал повторять:

— На Кавказе никогда не скажут: «шашлык из свинины». «Шашлык» — означает из баранины.

Отец жарил кусочки баранины на сковородке в три — четыре захода и нанизывал их на самодельные деревянные шампуры, выточенные из дерева.

Мама пекла к чаю «Наполеон», пропав от своей мамы (бабы Сони) несколько хитрых секретов. Слои теста долго пропитывались. В это время папа успевал жарить мясо все на той же тесной кухне.

Примерно с середины 1970-х годов вошло в моду предлагать к чаю ложечку рижского бальзама. Его воспринимали скорее как лекарство, нежели как спиртной напиток. Но ничто так не оживляло гостей, как мамин электрический самовар. Открываете краник — и цветете от того, что праздник еще не совсем окончился! Такие штучки считались дорогими, бытовали не в каждой семье. И, в конце концов, мама подарила наш самовар своему врачу — в знак благодарности...

Пора в магазин

Лет с четырех-пяти родители посылали меня одного за хлебом, с семи-восьми — за молоком и за рыбой, которую мы во множестве скармливали коту Кузе. Раньше семи лет меня постоянно таскали с собой по магазинам бабушки и папа — он тоже постоянно занимался пропитанием. Хорошо помню все продуктовые магазины в центре Воронежа: что и как продавали в них.

Вы, наверное, подумали, что я буду вспоминать о сказочных очередях? Но в конце 1960-х и начале 1970-х годов я их совсем не видел...

По рассказам старших знаю, что громадные очереди были повсюду после войны...

А затем очередные трудности с продуктами появились в городах в 1980-е годы, в особенности в «перестройку». Нет, еще слышал о хрущевских перебоях с некоторыми продуктами в начале 1960-х. Слышал от мамы и дяди Коли: они вместе ездили на поезде в Москву, чтобы запастись там любой колбасой для двух семей. Но и это время оказалось вне моего детства.

Впрочем, помню, как мы с папой стояли в Москве в невероятной очереди за бананами! Это случилось в 1970 году на Арбате, вблизи метро «Смоленская». Тогда каждый уважающий себя житель страны, бывая в столице, не мог вернуться из нее без ананасов и бананов. Разумеется, приезжие все до одного выстраивались в страшные очереди. И вот арбатские ананасы на выносных лотках благополучно закончились, а за бананами стояли и час, и два, и два с половиной... а очередь будто бы и не двигалась. Я проклял все на свете, уговаривал папу уйти: не обойдусь без бананов, что ли? Но он стоял на своем и стоял на тротуаре Арбата. Я сидел на корточках: казалось, что так меньше уставали ноги. Пришлось папе сводить меня пообедавать в какое-то «Детское кафе» — оно оказалось рядом. А там оказалось, что «детская» порция лапши с курицей крохотная. Даже для восьмилетнего пришлось брать две или три порции сразу. Папа тоже принял проклинать московские порядки. В Воронеже ни в одной столовой не решились бы наложить мальчику столько, что и котенку Кузе мало, причем по цене взрослой порции...

Конечно, в воронежских магазинах на рубеже 1960-х и 1970-х годов не было тридцати видов колбас на выбор, как теперь. Но зачем столько? Всегда лежали на прилавках и вареная, и копченая, и полукопченая по два-три сорта. В их доброкачественности и непросроченности сомневаться не приходилось.

Разумеется, и на рубеже 1960-х и 1970-х случались очереди. Человек по десять или двадцать. Когда в магазин привозили что-то необычно вкусное, свежее, дешевое — такое в советском быту всегда старались не пропустить.

Директор магазина заранее знал, что большим спросом будут пользоваться, например, аппетитные толстые куры или живая рыба в цистернах или колхозное молоко в бидонах. Или арбузы «с грядки» или другие сезонные продукты: скажем, вишня, черешня, виноград по ценам ниже базарной. И тогда устраивали торговлю во дворе магазина или на улице на тротуаре (для арбузов делали специальные загородки). Чтобы поместилось более двадцати человек. На улице торговля шла быстрее: не требовалось сначала пробовать чек в кассе, а потом идти к продавцу, как внутри магазина.

Впрочем, я терпеть не мог никакие очереди. Вы же и сейчас нервничаете, если застаете на десять минут перед кассами торговых центров. А в детстве казалось, что пять или десять минут тянулись бесконечно. Я ныл и тянул домой и папу, и бабушек. А они каждый божий день, к моему неудовольствию, стремились в магазины...

Опять родители оставляют ли меня на день с бабой Дусей, и я плетусь с ней в закупочный поход. Вблизи ее домика кишит людьми и машинами перекресток двух крупных улиц — Плехановской и Кольцовской. Бабушка заглядывает в каждый отдел двух гастрономов, пробует на вкус творог в молочном магазине, берет хлеб в хлебном и опять шаст в гастроном. Магазиновый двор притягивает ее, как магнит. То живую рыбу там черпают, то молоко более вкусное (с бабушкиной точки зрения), чем налитое в стеклянных бутылках внутри магазина. Нет, мое терпение иссякло! «Не пойду, на улице буду стоять, машины разглядывать», — клянчу. И люблюсь потоками грузовиков на Кольцовской!

Мои любимые магазины

В младшеклассном детстве сам покупал еду в магазинах. Вокруг моего любимого дома на Фридриха Энгельса. Ведь в нашем районе в каждом квартале работали по одному гастроному и по два хлебных магазина.

В советские времена у гастрономов, да и вообще у магазинов, было маловато отличительных названий. (В 1987 году мне даже довелось написать об этом сатирическую статью в газету «Молодой коммунар».) Поэтому горожане сами давали им названия. Наши продуктовые магазины звались так. «Утюжок» — главный магазин на проспекте Революции. «Стекланный», или «Пятый», — магазин № 5 на другом углу той же площади. «Диетический» — магазин «Диетические продукты» на углу улиц Фридриха Энгельса и Карла Маркса. «Ленинский» — магазин «Бакалея-гастрономия» на Карла Маркса, напротив завода имени Ленина. Большую популярность обрел небольшой гастрономчик на углу Фридриха Энгельса и Комиссаржевской. Народ не дал ему никакого особого имени. Его звали «Сорок первым», повторяя официальный номер.

Кроме того, в магазинах прикрепляли к каждому дому продавщиц-молочниц. Рано утром они развозили молоко по подъездам. Катили его на тележках в больших бидонах. Собственно, каждое утро мы просыпались, оттого что молочницы открывали дверь подъезда и призывно, во весь голос зазывали покупателей. Весь квартал знал молочницу средних лет, она орала стихами:

— Молоко, молоко, а то уеду далеко!

Самый ближний к нашему дому гастроном — «Сорок первый». Такое название запомнил навсегда безо всяких справочников. Небольшой, но очень популярный в народе магазинчик на углу улиц Фридриха Энгельса и Комиссаржевской. Папа бегает в него, когда требуются срочные, неожиданные покупки. Если выясняется, что мне не хватает еды на обед (родители никогда не загружали холодильник про запас). Или когда-нибудь на чей-нибудь день рождения вместе со зваными гостями приходят незваные, и требуется еще одна бутылка вина и еще одна — сидро. Или в жаркий день папа срочно хочет пива себе.

И опять вспоминаю, как часто простужался или подхватывал вирусы. Как-то папа сидит со мной дома, когда у меня, еще маленького, подскакивает температура. И я его не отпускаю в «Сорок первый». А он мне — ласково:

— Сынок, не волнуйся. Я ведь быстро хожу. Смотри, какие у меня шаги.

И показывает. Квартира не позволяет демонстрировать скорость ходьбы. Поэтому очень впечатляет длина шага: папа растягивает ноги на полтора метра.

Папа действительно ходил очень быстро. Без сомнения, сказывалась привычка — в молодости задавать тон в туристических походах. Сказывалась и каждодневная тренировка: рано утром спешить на завод, сломя голову бежать к автобусу или трамваю.

С тех пор отец не раз говорил, когда надо:

— Еще раз показать, как я быстро хожу?

— Покажи.

Папа делал шаг. Я успокаивался. И спокойно ждал его из «Сорок первого»...

Наконец, и сам вхожу в этот магазинчик. Как только пройдешь через дверь — чуть левее главный отдел: мясо, колбасы, рыба, молоко, масло, сыр и прочее. Еще дальше с левой стороны поднимаешься по двум или трем ступенькам в крайний продолговатый отсек: бакалея и кондитерские изделия.

Дом довоенный, его планировка мудреная. Видимо, впоследствии с трудом выкраивали помещения под магазин. Зато обстановка в нем самая непринужденная. Многие продавщицы знают своих покупателей. Улыбаются друг другу, шутят. Иногда тетя-продавец бережет специально для твоего папы что-ни-

Наедине с любимым писателем Николаем Носовым. *Начало 1970-х гг*

будь быстро раскупаемое, творог или только что привезенное с завода свежайшее пиво.

Справа от входа совсем крошечный отдел — штучный. Так всегда называли отделы, в которых торговали вином, водкой, лимонадом, минеральной водой, соками, сигаретами и папиросами. В тесной комнатке даже десятку покупателей на удивление комфортно. Сдающие пустые бутылки тоже вмещаются. Еще никто не лезет поперек тебя, не толкает, чтобы быстрее вырвать дефицит. Еще нет дефицита. Пока папа стоит две минуты в очереди за пивом, ты успеваешь выпить стакан томатного или яблочного, или виноградного сока. Его наливают (как и в любом другом магазине) из больших конусообразных сосудов, открывая внизу конуса краник. Все соки — не разбавленные, без ароматизаторов или красителей. Все — воронежского производства.

Интересно, что дети заходят в штучный и без родителей. Вот девочка лет десяти с горсткой монеток. Отец послал ее за дешевыми папиросами типа «Беломорканала». Вряд ли продажа табака детям разрешена. Но никто из продавщиц не боится, что их накажут. Ибо никому в городе не может придти даже в голову, что девочка сама закурит. Время было такое...

В «горбачевские» годы нештучные очереди в «Сорок первый» станут изгибами извиваться по тротуару. Неулыбающиеся будут клеймить себя шариковой ручкой — писать на руке номер в очереди...

Нет, лучше вновь открыть в памяти страницу из жития-бытия «Сорок первого» в начале 1970-х. Какая витрина моментально вспоминается мне будто наяву? Конечно, рыбная! Ведь именно сюда меня то и дело посылали за рыбой для нашего котика! В «незастойное» время в «Сорок первом» выбор рыбы был лучше, чем потом в «застойные» в «Океане». Килограмм мороженого хека стоил около 10 копеек, трески — 15–20 копеек. Я сам покупал эту рыбу целыми килограммами (сколько мог поднять) и нес ее в традиционных авоськах (нитяных сетках с ручками). Родители варили ее черному Кузе как самый обычный корм. Хек и треска тогда залеживались в магазинах до порчи, даже будучи морожеными. Их почти никто не брал. Все искали что-то повкуснее. Продавщица тетя Лена меня заметила и всегда взвешивала рыбу посвежее.

«Утюжок» — официально магазин № 21 горпищеторга — главный гастроном во всем Воронеже. Магазин на нижнем этаже приметного здания на проспекте Революции, 58, на историческом углу площади Никитина. Ласковое название здания повелось еще с довоенных лет. Жаль, что «Утюжок» восстанавливали-переделывали во время хрущевской борьбы с излишествами в архитектуре. Не надели фасады пышным классицизмом. Однако интерьеры то ли пожалели (лучший же магазин!), то ли не успели сильно обкорнать в проекте.

Уникальность интерьеров начинается с подковообразной планировки: она задана «ютюжковской» конфигурацией квартала. В классицизме традиционная форма — полукруг. А в здешней подкове боковые стены здания расходятся по формуле параболы. (Прошу прощения, математика сидит в печенках со школьных лет.) Два симметричных и равноценных боковых входа с проспекта и Пушкинской улицы. Получился каверзный эффект. Я сам ему не раз был подвержен в детстве. Если несколько раз пройдешь по залу-подкове туда-обратно — перестанешь ориентироваться, с какой же стороны выход на Пушкинскую, а с какой — на проспект.

Колонны квадратного сечения сгруппированы, словно в причудливом зальном храме. Они разбивают весь зал на три нефа. Центральный неф — широкий проход для публики. Боковые — торговые помещения. Прилавки, они же витрины со стеклянными стенками, соединяют колонны. Между каждой парой колонн в своем отсеке-отделе, за витриной, стоит продавщица. Как всегда, принято расспрашивать у нее о том о сем: о начинках конфет, о солености сыра... Но если спросите о свежести сыра или колбасы, тетя обидится. Как может случиться в главном магазине — несвежее?!

Чтобы перестать сомневаться, надо посмотреть вверх: на лепные детали капителей колонн, карнизов, плафонов, на золоченые фигурные подвески люстр. Мне бесконечно жаль расставание с *тем* «Утюжком». Оно произошло в XXI столетии. Подражание последней моде превратило магазин в лабиринты, смешало все «нефы». Дизайн хаоса. Путаешься уже не только в улицах, но и, главное, в товарах. Даже продавца приходится искать в лабиринте, чтобы спросить, что и где продается.

Впрочем, вся лепнина осталась нетронутой. Над выходом из магазина остались даже цифры «1956» (год отделки магазина), да еще подобие картуша с вензелем: «Т» влеплено в «Д» (вероятно, «Дом торговли»). Знаете ли вы, что лепнину нельзя тронуть как культурное наследие? Ведь мы — здесь я подразумеваю современную общественность — успели поставить дом торговли «Утюжок» на государственную охрану. Он — памятник архитектуры. А мода на дизайн торгового антихаоса обязательно вернется когда-нибудь. Пусть не скоро. Спасибо, что «Утюжок» остается «Утюжком»...

«Утюжковое» детство ассоциируется с мороженым. Его продавали из стационарных лотков в вестибюлях, при обоих входах. И со стороны проспекта, и Пушкинской. Жаль, что до десятилетнего возраста родители мне не разрешали есть мороженого. Им запретили мои врачи. Причина — все та же злосчастная ангина, которую я перенес в три года. Говорили, что у меня увеличены гланды и что их надо «удалять». Папа с мамой жалели меня, все тянули и тянули с операцией. Ждали, когда я подрасту. Хотя уже договорились было с тогдашним светилом — знаменитым детским врачом-хирургом в области «ухо-горло-носа» Павлом Венедиктовичем Сергиенко. Ученый мединститута сам оперировал. Он усадил меня в кресло в детской больнице. Я очень боялся, что доктор сейчас же сделает что-нибудь страшное в горле. Между прочим, тогда детям делали такие операции без наркоза. Но он заглянул внутрь меня с помощью своего зеркальца и самоуверенно сказал: успокоение, свойственное всем хирургам:

— Не бойся, больно будет только три минуты! Ну что, мама, оставляем сына в больнице? И завтра или послезавтра сделаем?

У меня душа ушла в пятки. Я моментально разорался и собрался бежать буквально бегом. Мама, конечно, сказала, что приедем позже... И потом жалела меня, все тянула и тянула время...

И вот я подросток. Светило Сергиенко успел умереть, а «хронический тонзиллит» успел... исчезнуть. Оказалось, что на самом деле кушать мороженое очень полезно. Оно закаляет гланды! Зря я не кушал его в гостях у Алены Красновой.

Конечно, при каждой самостоятельной легкой прогулке стал покупать мороженое. И в «Утюжке», и в киосках, которые стояли почти на каждом перекрестке, и в перевозных лотках. Самым вкусным всегда считал «Фруктовое» в бумажном стаканчике — по 10 копеек — с настоящим вкусом фруктов. Большинство моих приятелей почему-то предпочитало мороженое на молочной основе. А я покупал его для разнообразия. «Молочное» в бумажном стаканчике стоило 9–10 копеек, «Сливочное» в вафельном — 12–13 копеек, «Пломбир» в вафельном — 19–20 копеек. (Две цены оттого, что на моей памяти мороженое дорожало на копейку.)

Только в «Утюжке» был самый изысканный сорт — «Ленинградское», 22 копейки. Прямоугольник-брикет в шоколадной глазури, с внутренним вкусом, как мне казалось, «Молочного». Но на жарком солнце шик быстро превращался в пшик. Шоколадная оболочка отламывалась и летела на асфальт. Молоко текло по пальцам. Пока дойду домой — не только руки, но и все штаны в пятнах. Почему я не взял свое «Фруктовое»?

Еще более любимые магазины

Прямо в нашем 24-м доме, на первом этаже — хлебный магазин № 125 (там, где ныне фирма «Теле-2»). Для нас — просто «Хлебный». С малых лет ходил сюда один, как и мои сверстники. Магазин маленький, уютный. Запах свежей выпечки сводил ребятишек с ума. Продавщицы знали в лицо каждого жителя и каждого ребенка в доме. Тетя Варя приветливее всех детсадовских воспитателей и всех школьных учителей. Не помню ее не улыбающейся. Дарит малышам лишние копейки вместе со сдачей.

Моим любимым лакомством было даже не мороженое и не торт, а сдобная булочка по 7 копеек из нашего «Хлебного». В нее клали большую порцию свежего яблочного повидла (сколько могло уместиться). Сверху булочку обильно посыпали сахарной пудрой. Я и мои сверстники часто дожидались, когда придет грузовик-фургон со свежеспеченными хлебом и булками. В дошкольные годы, бывало, я долго караулил этот фургон вместе с моей подружкой Наташей Рычковой. И во время разгрузки нам прямо на улице позволяли купить горячие булки. Кроме сдобных с повидлом, были еще не такие лакомые сдобные без повидла за 9 копеек, и обычные «городские» за 6 копеек. Порой целиком съедал смачную 6-копеечную.

Другой ближний хлебный магазин работал на Никитинской, 6, третий — на Студенческой, 31. При мне все хлебные превратили в магазины самообслуживания — возможно, первые в Воронеже. Прилавки сделали как стеллажи, куда хлеб и булки вдвигали на деревянных подносах. Вдоль прилавков — парапеты. Покупатели идут в проходе между прилавком и оградой и берут себе нужные продукты. Никаких корзинок не предусмотрено. Зачем они? Берут очень мало. Черного или «серого» хлеба — обычно полбуханки на семью. Чтобы не черствел. Хлебшек-то без консервантов. Ароматный.

Сейчас, когда, казалось бы, много и печенья разных сортов, и пирожных с замысловатыми названиями, и всяких слоев с круассанами, ищешь иногда чего-

нибудь самого вкусного и не находишь такого объеденья, как булочки по 7 копеек. То ли сахара раньше не жалели? То ли дрожжи были другими? То ли готовили по другим рецептам, исключая ненатуральные фруктовые и прочие добавки? Впрочем, и «городские» булки стали безвкусными, и все виды хлеба, как ни выделываются новой продукцией все производители. Где же собака зарыта? Неужели только в моем детском восприятии?

Ломал голову, пока не спросил воронежского врача Вадима Кузнецова, автора книг о правильном питании. Более тридцати лет он моим был участковым терапевтом.

— Не ведаю, по каким рецептам готовят хлеб. Но его качество зависит от качества исходной муки, — считает Вадим Александрович. — Мало того, что по ГОСТу белизна — чуть ли не основное качество помола, поэтому помол неоднократно просеивают. При этом удаляются минеральные соли, витамины, клейковина. Представляете, пшеничные и ржаные отруби со всеми необходимыми для здоровья человека микроэлементами и жизненно важным витамином В1 идут на корм животным.

А недавно читаю новость в СМИ. Производителям хлеба разрешено использовать третьесортную муку, какую раньше гнали на комбикорм. И они пекут из такой муки, чтобы не повышать цены на хлеб и выдерживать конкуренцию. Ну, тогда все ясно....

«Диетический» магазин на углу улиц Фридриха Энгельса и Карла Маркса — настоящий центр притяжения бытового мировоззрения нескольких центральных кварталов. Официально — магазин горпищеторга № 249 «Диетические продукты». Первый этаж пятиэтажного дома № 42 по Энгельса. Дом хорошо виден из моей школы. И на этом доме, и на школе — на обоих зданиях — темно-красные фризы с белыми фигурами.

В «Диетическом» обстановка менее раскованная, чем в «Сорок первом». Оттого что здесь обслуживаются много ветеранов, заслуженных пенсионеров, больных и просто пожилых людей. Они более привередливы: вглядываются, придирчиво проверяют любой товар.

Несчетное количество раз бывал здесь в молочном отделе — слева от входа (два

Новый год в 1-м классе. Конец 1969 года

окна выходили на улицу Карла Маркса). С детских лет походы за молоком были моей семейной обязанностью...

Да... Ведь писал-писал, что не стоял в очередях, а дошел до этого места, и приходится поправлять себя самого. Нигде нет очереди — ни за минералкой, ни за подсолнечным маслом, а за молоком — стой в очереди в окружении дедов и бабок с озабоченными лицами! Даже в две очереди. Ведь сначала надо пробить чек в кассе, а чтобы пробить, еще раньше протиснуться к витрине, посмотреть, сколько что стоит, сложить в уме копейки.

Казалось, что в этом весь смысл жизни пенсионеров: с утра стоять за молоком. Ведь если бы они приходили по одному в течение всего дня, очереди бы не было. Нет, они знали: надо налетать на отдел всем скопом и пораньше. Ведь молоко, как и хлеб, делали без консервантов, оно быстро скисало. Вечером его не завозили, чтобы оно не оставалось в магазине на ночь.

Пожилым тяжелее стоять в очереди. Подозрительно всматриваются в лица, выпрашивают: «А вы за кем занимали, прежде чем отойти в кассу?!» Мальчика тем более не пропускают: ему легко, пусть постоит.

В витрине-прилавке все налито в пол-литровые стеклянные молочные бутылки. Содержимое хорошо узнаваемо по разноцветным крышечкам из фольги. Крышечки мягкие, легкие, но плотно пригнаны к горлышкам, подогнуты.

На молоке цвет крышечки — нейтральный белый (точнее, серебристый). Молоко стоило сначала 20 копеек, однако к «горбачевскому» времени цена поднялась до 28 копеек (вместе со стоимостью бутылки). Зеленым традиционно помечали кефир (первая цена 22 или 24 копейки), розовым — ряженку, желтым — топленое молоко, желтыми полосами — сливки. Позже появился варенец: для отличия от ряженки фольгу стали красить темно-малиновым.

Полная виртуозная тетя, имени которой не помню, одной рукой ловко щелкает на счетах, а другой быстро сортирует монеты и бумажные рубли. Распикивает их по кучкам, из рук и в руки покупателя, в прилавок и из прилавка. Не замечаешь, как ее руки вмиг переключаются на другую работу. Одна рука — сразу четырьмя или пятью пальцами — хватается твои бутылки, и они прыгают в ячейки ящичка из металлических прутьев (здесь тары всегда навалом). Другая рука ухитряется подать две заполненные бутылки — и молоко, и кефир. Но вот кто-то просит налить молоко или сметану на розлив. Тетя считает на счетах, сколько надо доплатить сверх выбитого в чеке, а очередь перестает двигаться и испытывает легкое волнение...

Читаю в социальных сетях очередного «знатока»: дескать, «неправильно» стоимость бутылки делали выше стоимости содержимого. (При Горбачеве бутылки принимали по 15 копеек, а в моем раннем детстве, кажется, по 12 копеек или около того.) Еще как правильно! Люди ценили, хранили, собирали бутылки из-под молока, вина, пива, лимонада. Так страна сэкономила на сырье и на производстве. Так берегли природу — только сейчас это можно оценить в полной мере! Никто не бросал и не бил стеклянные бутылки в лесах и по берегам рек. И пластиковой посудой природа не была варварски осквернена.

А мне-то, мальчику, какая была польза от сдачи бутылок! В шесть-семь лет я увлекся собиранием почтовых открыток. Их продавали в киоске «Союзпечать» как раз возле входа в «Диетический». В СССР уже давно были шикарные цветные открытки. Но как раз в те годы началось большое разнообразие. Высокопрофессиональный модернистский дизайн изменил рисованные поздравительные открытки. Деды Морозы, космонавты и лесные зверушки стали более раскрепощенными. Тройки лошадей, елки и даже кремлевские башни повеселели. Добавились полноцветные фотооткрытки со множеством сюжетов: и с видами городов, и с природными пейзажами. Представляете: сдаю лишь одну бутылку — и уже две —

три — четыре открытки приобретаю! А на очередную бутылку с молоком мама дает новые копейки.

Если не каждый день, то, во всяком случае, через день мне требовалось покупать по три — четыре бутылки: и молоко, и сливки, и кефир — и себе, и родителям, а позже и бабушке. За неделю в квартире скапливалось не менее двадцати пустых бутылок. В старшем школьном возрасте они постоянно превращались в мои карманные деньги. Покупал на них фотобумагу...

Винные и пивные бутылки в парках и скверах подбирали не волонтеры, а одинокие малообеспеченные пенсионеры. Пройтись поздно вечером с большой сумкой где-нибудь по бульвару Кольцовской улицы, заглядывая за опустевшие скамейки, — значило обеспечить себя едой дня на два...

В конце 1980-х годов очередь за молоком в «Диетическом» вырастет громадно. Продавщица не сможет быстро услужить зигзагообразной толпе, будь у нее даже три руки. Кажется, она не выдержит и уволится... Пенсионеры станут благодарить Бога за то, что им завезли хотя бы молоко, без всяких кефиров. За то, что оно досталось.

Вскоре молочная витрина совсем опустеет. А ведь у меня родится сын! Мне придется с утра рыскать по всем оставшимся магазинам в центре города в надежде найти молоко хоть где-нибудь. Тратить на это два часа. Впрочем, даже в самые последние горбачевские годы детские молочные кухни не закроются.

Спасибо, что в 1991 году сливочное масло будут выдавать в «Диетическом» по талонам! А вскоре население шокируют рыночными ценами. Едва ли не первым появится в свободной продаже в «Диетическом» то же масло. По сумасшедшей цене. То ли в пять раз, то ли в десять раз больше прежней цены, то ли еще круче. Вспомнить невозможно. В те дни его никто не будет брать... Затем в 1990-х «Диетический» и вовсе закроют. Такие времена настанут...

Нынче продуктовый магазин — уже из серии «Центрторгов» — возрожден на историческом месте. Спасибо нашему времени.

Общепит с отцом

Родители, бабушки, да и другие родственники всегда готовили будничную и праздничную еду по принципу русской поговорки «Большому куску рот радуется». Больше мяса в котлете — лучше. Больше кусочков овощей в борще и больше сами кусочки — лучше. А мне так нравилось обедать в столовых! Их презирали все взрослые. Но мне всегда казалось, что вкуснее именно там, где готовят по кулинарной науке, по предписанным рецептам. В борще или супе плавают мелкие кусочки — стало быть, его удобнее, быстрее хлебать. Больше хлеба в котлете — что ж, ее легче жевать, да и с хлебом — вполне вкусно. Плюс фирменные столовские подливки ко всем блюдам.

В столовых наливали традиционные компоты из сухофруктов. Во всей стране для таких компотов очень качественно сушили настоящие яблоки, груши, сливы, абрикосы, виноград. Вкус вареных груш словно стоит у меня во рту со времен дачной столовой! Думаю, что все мои сверстники запомнили этот вкус на всю жизнь. Наверное, не случайно на основе грушевого сиропа даже ситро делали.

Пожалуй, только зеленый борщ не сподобились варить в столовых так здорово, как в моей семье.

Почему же столовая еда казалась вкусной? Думаю, что это не казалось. Таковой она и была. Поваров специально готовили в кулинарных училищах. И они пользовались специально отобранной рецептурой. Моя мама тоже заглядывала в «Книгу о вкусной и здоровой пище» и книгу «Детское питание», когда стряпала

что-либо ответственное для гостей. Вы думаете, там рецепты хуже, чем в дореволюционных справочниках? Я сильно сомневаюсь. Напротив, с течением времени рецепты не могли не поправиться в лучшую сторону.

Это я к тому, что сейчас модно возвращаться к неким традициям. На уличной вывеске воронежского заведения читаем, что оно готовит «по рецептам бабушки», а в меню ресторана в Гаграх — что там варят «по рецептам принцев Ольденбургских». А когда я работал в газете «Воронежский курьер», сам печатал в приложении «Воронежский Телеграфъ» «рецепты дедушкиного справочника». Но мы, журналисты, публиковали такие рецепты для иллюстрации российской истории, да и для прикола. Зато некоторые читатели умудрялись их опробовать. И присылали мне письма: «Готовлю строго по рецепту, а получается какая-то бурда, ерунда». Разумеется! В старину все было примитивнее. Все было менее совершенным. А рецептурные справочники тогда часто издавали просто для извлечения доходов.

Иногда случалось, что дома кто-то не успевал приготовить обед. И тогда мы с папой ходили в столовую Дома офицеров и в «Гармошку».

Дом офицеров распахивал столовую для всех горожан. Входили с улицы Комиссаржевской. Столовая отличалась изысканными интерьерами. Послевоенный сталинский ампир. Лестница вела наверх в большой зал. Помню, что в зале в золоченых рельефных рамах висели громадные картины, написанные маслом. Моя будущая жена Света ходила туда же с мамой. Ей врезалась в память необычная посуда, не простая, как в других столовых. Мельхиоровые ложки и вилки, да и тарелки красивые (не просто белые с надписями «Общепит», как везде). Света также любила все столовые и считала, что дома столь вкусных блюд нет.

«Гармошка» на углу улиц Карла Маркса и Студенческой была, пожалуй, самой демократичной столовой в центре города. Она же являла собой «пивнушку». Отдел, где разливали воронежское «Жигулевское» пиво в пол-литровые кружки, соседствовал с общим залом. И в зале за столиками сидела разношерстная публика, которая возила ложки в борще и тут же прихлебывала пиво. Поэтому о сервисе не так заботились, как в иных столовых.

Однажды папа привел меня сюда году в семьдесят пятом. Тогда мы уже переехали на другую квартиру, ближе к «Гармошке». Очевидно, отец почувствовал себя неловко передо мной: столики испачканы остатками пищи, солонки не найти, салфеток тоже. Папа вежливо и сердито потребовал:

— Принесите книгу жалоб!

Сразу вытерли наш стол и принесли не книгу, а столовый прибор. Но добрый папа был неумолим.

Как тогда пугались жалоб и в столовых, и в магазинах! Грудью защищали жалобную книгу, сопротивлялись, не давали ее, оправдывались, извинялись. Звали заведующую, та умоляла жалобщика не писать.

Отец не один раз демонстрировал мне такой метод воздействия на торговых работников. Несмотря на всю его незлобивость, добродушие, оставалась в нем какая-то комсомольская закалка борца за справедливость.

В магазине в «Книге жалоб и предложений» вы могли пожаловаться на невежливую или нечестного продавца. И могли «предложить» свое мнение касательно того, что на прилавке почему-то нет нужных товаров. Далеко не все представляли, как действовала такая жалоба! Ведь магазинные начальники получали выговоры, лишались премий. И нужный вам дефицитный товар завозили хотя бы на время.

Благодаря отцу я видел и читал жалобные книги в нескольких магазинах. Жалоб было очень мало. В основном страницы «книг» оставались пустыми.

5. КОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛИ ПО ОДЕЖКЕ

Насильно ряженные

Как видите, нашему поколению во многом повезло. Разве можно считать невезением такую мелочь, как бесконечное выражение детей в детских садах и младших классах школы — в зайчиков, волчиков, гномиков, космонавтов, летчиков, моряков, петрушек, карандашей и прочих-прочих веселых человечков? Да еще в детей всех национальностей Советского Союза?

Девочкам все это нравилось гораздо больше. Разве не приятно стать на целый день снежинкой или звездочкой или даже феей? На то они и девочки, чтобы наряжаться и преображаться. А вот мальчики не приходили в сильный восторг при примерке ушей, хвостов и лап. И кто-то должен был пришить им уши. В лучшем случае — бабушки. Мне, к примеру, все шила на собственной машинке бабушка Дуся.

Вполне очевидно, что у русских это в крови с языческих времен — непреодолимое желание рядить себя и своих детей. И еще в крови осознание того, что ты и твои дети — защитники. Они все будущие военные, и мальчики, и девочки.

Разумеется, на пятилетних еще неловко насаживать фуражки и пилотки, солдатские сапоги и ремни. Но почему в знак дружбы народов не надеть на них папахи, кушаки, кокошники, шаровары и прочие атрибуты всех пятнадцати республик СССР?

Мой утренник в 66-м детском саду Воронежа, на улице Дзержинского, в 1968 году. Фотографирует, наверное, мама (папе днем не уйти с завода?) Я танцую в рубашке, скорее всего, с украинским орнаментом.

Бабе Дусе воистину повезло! Какие-то украинские, а может, и русские национальные рубахи, легко превращаемые в украинские, всегда были в продаже. Перешить взрослую рубаху в детскую — это же раз плюнуть в сравнении с тем, чтобы, например, с нуля вышивать какой-нибудь малоизвестный орнамент. Или что-бы шить папаху.

Какие живые снимки! Кажется, будто все это происходило вчера-позавчера, а завтра-послезавтра я опять увижу своих друзей, и они ничуть не изменились. Все дети смотрятся колоритно. Да только все до одного мальчика танцуют с кислыми рожами.

А во втором классе пришла чуть ли не беда! Бросили жребий всем классам. И нашему велели рядиться в эстонские костюмы. И соответственно разучивать эстонский танец. Как вы думаете, кто его разучивал с нами? Конечно, моя мама. «Раз она в первом классе поставила девчачий танец «Утушка луговая», — то ей и с эстонцами — все карты в руки!» — примерно так рассудили директриса школы и классная учительница.

Мама ради меня была готова на все. В научной библиотеке ВГУ ей удалось разыскать подходящую литературу. Точнее, книга с описанием эстонского танца оказалась одна-единственная. Но вот костюмы... За давностью лет не берусь судить, какие рубашки сошли за эстонские. Помню, что был задействован мой папа. Он рисовал красками эстонские флаги после трудовых 8-часовых заводских будней. Вообще, когда я пошел в школу, отцу пришлось открыть на кухню настоящий ремесленный цех в помощь сыну.

Наш класс очень хвалили. Говорили, что «эстонцы» выступили даже лучше «русских». С тех пор жалею, что так и не посетил братскую Эстонию.

Но самая трудная задача выпала бабе Дусе перед новым 1969 годом. Старшая группа детсада должна была особенно блеснуть новогодними костюмами!

Группу разделили на четыре отряда ряженных. Один отряд девочек — в беленьких платьицах: наверно, снежинки. Второй — будто бы в темненьких, причем на головах — бумажные конусообразные шапочки. Сейчас долго ломал голову, что

Девочки-«летчицы». 2 класс. 1971 г.

это за персонажи и какого цвета: синие или зеленые? Спасибо, вспомнила одна из бывших артисток: Марина Новичихина, с которой я потом учился и в школе, и в университете. Дочка поэта и писателя Евгения Новичихина. Ныне профессор факультета журналистики ВГУ:

— Представь себе, мы были фонариками. Не знаю, кто придумал, но нас одели в широкие ярко-оранжевые платья, ведь мы излучали яркий свет! Это на черно-белом снимке оранжевое кажется темным.

Наконец, на отцовской фотопленке нашел кадр, где эти живые фонарики держат картонные фонарики. Освещают елочку. Стало быть, они фонарщицы, которые заодно зажигают сами себя и превращаются в фонарики женского пола... Фонарочки, фонарушки, как же точно сказать?

У мальчиков первый отряд: зайчики с длинными ушами. Наконец, последний отряд... По-моему, похожи на Пьеро из сказки про Буратино. Даже моя мама не может в точности вспомнить, кто мы такие. Она, на беду бабушки Дуси, согласилась, чтобы я был в таком каверзном отряде. Согласилась? Будьте добры: цветные камзолы-комбинезоны с огромными пуговицами да жуткое жабо вокруг шеи да немислимо высокие колпаки-конусы на голове!

— Какие были мучения! Как нервничала бабушка! Ведь кое-как она ничего не делала... — только и вспоминает мама.

Это вам не уши приставить. Десять раз переделывали жабо, которое отрывалось и рвалось. Бабушка и мама спорили, я плакал. Папа пять раз переклеивал колпак. Разошелся отец. Вместо каких-то круглых наклеек на колпаки, какие у других мальчиков, у меня — фирменная надпись «1969». Не случайно на коллективной фотографии меня поставили в центр композиции...

А вот снимок, где я бегу с недовольным, даже злым лицом. И кулачки словно сжал от злости. Это сейчас хорошо смеяться над самим собой, а тогда...

Почему-то затейники карнавала сочли, что все дети и во всем карнавальном облачении должны бегать вокруг елки! Понятно, таково было новое слово в нашей артистической подготовке. Отец плюет на замечания женщин и пробивается с фотоаппаратом на выгодную позицию. А я в капризах! Бабушкин комбинезон хорош всем, но только не беговыми качествами. И колпак валится с головы. А тут еще родители мешаются...

Нехорошо? Для взрослых такое большое событие: их дети погружены в атмосферу всеобщего красочного праздника. Точнее, это они пытаются подарить детям атмосферу. А я порчу им кадр...

Ровно через год, перед Новым 1970 годом, пришла настоящая беда, откуда ее опять не ждали. В первом классе велели: каждый должен иметь свой отличительный костюм, и чтобы ни одного повтора! Чтобы никаких двойных — тройных Пьеро.

Папа предлагал пощадить бабушку Дусю, свою маму. Боялся, что у нее обострится аритмия. Говорил:

— Давайте переделаем этого самого Пьеро в самого Буратино! Я все возьму на себя. Прицеплю Павлику на лицо длинный нос, на грудь — огромный золотой ключик. Сделаю ему особенные загнутые башмачки. Чем не живой Буратино в старом бабыдусинском жабо?

Нет, баба Дуся не вынесла бы такого позора: любимый внучок придет на праздник в том, что ему давит, жмет? Перемерила меня. Уже без споров и слез. У всех был богатый опыт. Бабушка ловко сшила новый костюм лучше старого. Только по отдельности камзол и штаны к нему.

Отцу особенно удался ключик. Он заодно и колпак переделал. Но насчет башмачков папа переосмыслил свои возможности. Не учел, что он все-таки не папа Карло. Пришлось резать обувь не из цельного бревна, а из пенопласта — из какой-то заводской тары ВЗР.

Бабушка предчувствовала. А бедный папа не догадался, что в школьном спортзале нас опять заставят нарезать круги вокруг елки!

У всех, кроме меня, была мало-мальски нормальная обувь, несмотря на фантастические одежды. Все пробежали успешно: и Саша Волков — как факир, в длинном неуклюжем облачении, и Гера Бокк — как Карандаш, с палкой на лбу, и Боря Фоменко — как Царь Горох в метровой царско-гороховой шапке, и Марина Беляева — как инопланетянка (?), с какими-то антеннами на голове... Даже наши «три толстяка» пробежали, так мы их звали: Коля Волков — в образе Доктора Айболита, Паша Жабров и Саша Простаков... не пойму, кем прикинулись. А я еле-еле осилил один круг. На втором сразу развалился левый пенопластовый башмачок.

Папа не стал меня снимать так, как в детском саду. Но я, наверное, уже сам повзрослел до того, чтобы не делать зверское лицо... Более спокойно сошел с дистанции и обул своего Буратино в чешки.

Вы думаете, мы отделились буратиновскими бегами? Нет, моя мама тоже решила не ударить в грязь лицом — показать, какой передовой 1-й «в» класс, где учится ее сын. Она разучила к тому же новогоднему празднику два танца: с девочками — «Утушка луговая», с мальчиками — что-то наподобие «Польки». Пробежав вокруг елки, все мы еще раз переоделись. Девочки — в «утушек» (русские народные наряды с платочками), мальчики — не скажу, в кого (черные жилетки). Первый же класс, не стыдно переодеваться. Станцевали у елки, а после сделали что-то еще, вместе взявшись за руки. И одновременно спели. Праздник удался. Моя первая учительница Евгения Тихоновна оказалась на седьмом небе.

— Сколько нервов ты мне испортил во время репетиций... — вспоминает мама. — Как я старалась рде тебя и как ты мне мешал...

Мама имеет в виду репетиции с «утушками». Они проходили в Пионерской комнате. Сия комната считалась важнейшим помещением, где нас загоняли на зимние линейки. На стенах были развешаны горны, знамена, вымпелы. И вот, когда мама стала учить девочек танцу, я решил подбодрить их проверенным детским методом — смехом. Нахлобучил на голову мамину меховую шапку, взял в руки горн, залез под стол и там кривлялся. Мама не могла меня достать под этим большим столом, на котором, кажется, стояли какие-то кубки...

Второй класс. После «эстонского» Нового года пришло 23 февраля 1971 года. День Советской Армии и ВМФ. Еще бесконечно далеко до уроков НВП (начальной военной подготовки). Но школьное руководство решило, что второклассники учебного заведения центра города уже доросли до уровня своей военизированной страны. Дашь военный парад все в том же школьном спортзале! И пусть наш класс целиком станет классом летчиков и летчиц!

Что ж, в нашей семье подумали, что «это — службишка, не служба» после облачений в Пьеро-Буратино и эстонца. Да бабушка Дуся мигом превратит взрослую защитную рубашку в детскую. Денька три посидит за машинкой с утра до вечера — и все. Надо только сходить за рубашкой в Военторг...

Увы, родители опять недооценили ситуацию. Пришли в Военторг слишком поздно. Нет, зеленые рубашки еще остались. Но для детей нашей школы уже расхватили все военные фуражки и пилотки. Даже нужных погон нет. Есть только знаки отличия — крылышки.

Напомню, что тогда еще не было домашних телефонов. Мама кому-то названивала по телефону-автомату, кого-то обходила по квартирам, кого-то умоляла переспросить у друзей. Папа пытался привлечь знакомых, причастных к военторговской торговле, но его путь оказался совершенно бесполезным. Спасла мама: одна из подруг нашла ей фуражку лесника! Ура! Дело осталось за папой.

Он воспрянул духом и, как мог, перекрасил фуражку и полоски на погонах «под летчика». Прицепил к ним крылышки. Разве это «служба» для заместителя главного механика завода? Не поспешил: сделал мне погоны майора. И не важно, что отцу кто-то сделал замечание в школе: «А фуражечка-то у вас неправильная». Важно, что класс опять оказался в числе лучших и очень дружно рявкнул: «Здравия желаем, товарищ генерал!» — приглашенному на школьный парад ветерану-отставнику. Так нас учили на репетиции. И не важно, что пришедший оказался не генералом, а подполковником. Он взлетел на вершину счастья. Хорошо, что не майором был. Иначе, в каком неловком положении оказался бы я со своими погонами?

Довольный папа не мог остановиться, все фотографировал, фотографировал, фотографировал меня, летчика СССР. С Леной Додатко, полненькой одноклассницей: она шикарно выглядела летчицей с бантиками на кольцеобразных косичках. С обеими бабушками и морской свинкой в домашней обстановке.

Есть что вспомнить из этого доброго, доброго, доброго времени.

К счастью, а может, и к несчастью, нашлись тогда некие люди, которые решили больше не устраивать ни военные, ни другие маскарады.

И нет больше подобных снимков: нет повода грустить или тешиться.

Бабушка главнее моды. Пока мода не показывает фокус

До двенадцати-тринадцати лет мне, по большому счету, было вообще все равно, во что обуют или оденут меня родители. Я вполне доверял их вкусам. Главное, чтобы не отваливались подошвы во время дворовых игр. Чтобы брюки не мешали ходить, чтобы легко завязывались завязки на шапке и не отрывались пуговицы от пальто.

Баба Дуся шила не только маскарадные костюмы. Она мастерила мне почти всю дошкольную и младшешкольную одежду. Комбинезончики с капюшонами и пальтишки, шаровары и шортики, летние костюмчики в клеточку и полосочку... Бабушка измеряла меня вдоль и поперек, вырезала выкройки из бумаги. Усаживалась за свою замечательную швейную машинку «Подольск», купленную в 1950-х годах.

В других семьях тоже засаживали бабушек за машинки либо обращались в многочисленные ателье. Магазины не отличались таким разнообразием одежды, какое есть сейчас. А ребенок рос на глазах... Бабушка делала запасы материи на рукавах и штанинах, а потом, когда я выросал, она «отпускала» ткань.

В семидесятые, когда наше поколение пребывало в школьном возрасте, в одежду уверенно проникал спортивный стиль. Сейчас мы смеемся над однообразными советскими синими трико. У меня дома осталась «двойка» тех лет: рубашка наподобие футболки, только с длинными рукавами, и штаны с удобными лямками-петлями, которыми надобно цепляться за ступни. Раньше их называли — «тренировочные штаны». Ныне их даже дома неловко одеть. А прежде в них щеголяли повсюду: и по двору, и по улице. И все радовались, как много у нас стало спортивных людей не только в спортзале и не только на велосипеде. В таких трико и взрослые, и дети ходили в магазин. В них ездили на дачу и в лес. В них отправлялись в туристическое путешествие. В них ходили на Кавказе на турбазах. Да и от Воронежа до Кавказа — тоже ходили.

Вот фотосвидетельство. В 1978 году мой дядя Коля одел именно такой синий «тренировочный костюм», скрыл лысину легкой шапочкой с пластиковым козырьком, водрузил на плечи огромный рюкзац, вышел из дома, сел в автобус... и дальше полетел в трико на самолете в Нальчик. Сразу было видно: перед вами — опытейший турист.

К концу десятилетия укоренилась и привычная ныне футболка — изделие как бы среднее между майкой и «тренировочной рубашкой». Еще один маленький переворот в моде. Ведь раньше для летнего гулянья детишек делали только банальные рубашки с короткими рукавами.

Кроме того, и девочкам, и мальчикам перестали напяливать чулки с застежками на резинках и прищепках. Жутко смешно смотрятся они сейчас на фото. Так же смотрелись они на нас вживую в начале 1970-х. Попробуй, покажи свои чулки в раздевалке перед уроком физкультуры — тебя затыкают пальцами все твои приятели! И девочку затыкают мальчишки безо всякой физ — и другой культуры. Прощу прощения за сравнение, но теперь наша жизнь завалена, захламлена «эротическими» изображениями женщин с подобными изделиями. Что ж, их создатели не жили в семидесятых. Если бы они знали, как ржал бы над такими картинками весь наш второй или третий класс! Но тогда, кстати, такие картинки напрочь отсутствовали даже среди взрослых...

Уже вовсю продавались болоньевые куртки. Однако они считались не слишком серьезной молодежной одеждой. А зимней болоньи не практиковали. В преддверии зимы мама отправляла меня с папой — как знатоком — покупать пальто. Начинаем с Дома одежды «Утюжок». Верхние этажи закругленной части здания забиты одеждой, расставленной на вешалках по подковообразным залам. Пересматриваем все, что моего размера... Нет, не то. Движемся дальше: ЦУМ на проспекте Революции, универмаг № 4 на Пушкинской, универмаг № 1 за Заставой, какие-то универмаги на Левом берегу. Папа очень ценил магазины Военторга: один в центре города на Театральной, другой — аж на краю нового Северо-Восточного района. Перемериваем буквально все пальто в городе. И... возвращаемся в «Утюжок» и покупаем там...

Тогда же, в 1970-е, в моду вклинилась «джинса». Одновременно мальчишки и юноши перестали коротко стричься — как тогда говорили, «хипповали». Вначале к «джинсе» относились без предыхания. Мол, очередное новшество, как и длинные волосы, как и расклешенные брюки. Сколько материй люди перевидали; ничего, добавилась еще одна. Но уже через каких-то два-три года ты вообще переставал быть человеком без заграничных джинсов — жестких, трущих самые неподходящие места, зато наделенных «красивой» фирменной нашивкой! Вечером

даже не суйся гулять без джинсов. Тебя засмеют все до одной девушки, и самые дурные на лицо, и нефигуристые.

При этом джинсы не продавались ни в одном магазине. Но в них ходил каждый. И так, абсолютно все в СССР стали приобретать джинсы по знакомству, по благу или, как самое лучшее, на черном рынке.

Вот вам ярчайший урок истории «застойного времени». Для меня это было уже время окончания школы и поступления в университет.

Что стоило поступиться идеологией, а точнее, идеологическими перекосами? Неужели нельзя было забросать советскую торговлю американской или итальянской продукцией? Чтобы мода на джинсы поскорей исчезла бы не только в СССР, но и, может быть, в США и Италии? Или массово шить в Советском Союзе точно такое же, из твердой синей материи и с изящными наклейками типа «LOVE. USSR»? Ведь это мы, в конце концов, научили мир летать на космических кораблях.

Старшекласснику усиленно пытались внушить, что «партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», а в его голове занозой засела мысль: «У них не только пластинки лучше. У них джинсы есть, есть, есть...»

Разглядываем девочек. Разглядывают ли мальчиков?

В изостудии Дворца пионеров выполняю задание: изображаю улицу вместе с прохожими. Конечно, по привычке рисую в черном всех уличных мальчиков и дядечек. А преподаватель Елена Антоновна возьми да и сделай замечание:

— Разве ты не заметил, что они начинают ходить во всех цветах? Как и женщины?

Я, далекий от моды, действительно не заметил. Стояла осень, и большинство моих одноклассников-мальчиков продолжали кутаться в темные короткие куртки — если не черные, то коричневые. Болоньевые или кожаные. Но я послушался Елену Антоновну и добавил на тротуары мужчин в белом и синем.

За старыми партами. 1972 г.

А в следующем седьмом классе, когда мы с папой пошли покупать мне очередное зимнее пальто, попросил купить светленькое, в серую клеточку. Настало время, чтобы и мои одноклассницы увидели меня не в черном. Новую шапку с ушами тоже купили модную, какие отныне повсеместно появились в магазинах. Они были, наверное, из кроличьего меха, очень красивые, с длинным ворсом, лоснящиеся, блестящие, окрашенные в ярко-черный цвет.

В это время клетчатые пальтишки разных цветов очень эффектно смотрелись на девочках. Девочка Люда, которая нравилась мне больше всех, ходила в школу в романтическом длинном фиолетовом пальто с крупными белыми клеточками.

У нас была такая игра: после уроков я просто шел за ней по улице. Будто следил. Фиолетовое пальто чудесно выделялось в темноте даже на большом расстоянии. А ей, похоже, было все равно, какие на мне клеточки или не клеточки. Главное, за ней шел.

Сам теперь с большой улыбкой смотрю на себя самого, заснятого на фото в предыдущем прикиде: как я выглядел перед той же девочкой не в сером пальто, а в страшненьком темно-коричневом, с убогой кожаной шапкой-ушанкой примерно такого же цвета. В теплых ботах с молниями. Ничего, в шестом классе терпели меня таким и Люда, и Галя, и Ира, и Наташа, и Лена, и Оля... Они всего-навсего думали, что нас так одели родители. Они встречали мальчиков явно не «по одежке». Они смотрели, что сделают, и слушали, что скажут мальчишки. Только иногда болтали о том, у кого из мальчиков голова круглая, а у кого — овальная...

К удовольствию мальчиков, 1973–1975 годы были временем коротких юбок у девочек. Вскоре, в 1976-м или 1977-м, внезапно грянула мода на юбки необыкновенно длинные — гораздо длиннее, чем они были до 1973 года.

Помню слова возмущенной и ошарашенной бабушки Дуси в 1973 или 1974 году: — Сейчас иду к вам по улице, а впереди меня, около «Гармошки», девушка, у которой попа голая! Я не верю, оглянулась, и все смотрю, смотрю на нее. У нее трусы видны! Совсем стыд потеряли!

А в 1977-м, в восьмом классе, моя одноклассница Люда и ее подруга Марина решили щегольнуть перед мальчиками всей 58-й школы. Упросили своих мам. И вот однажды вошли в школьную дверь не в мини-, а в невероятно длинных юбках из темной пестрой материи. И надо же такому случиться! Как раз в тот редкий день и в тот редкий час директриса школы Ираида Кузьминична Гордейченко решила стать в коридоре у дверей! Чтобы проверить, кто опаздывает к первому уроку.

Увидев Люду с Мариной, она моментально побагровела:

— Ах вы, монахини бессовестные! Хотя капля стыда у вас осталась? Да я сейчас возьму ножницы и обрежу вам юбки! Завтра же родителей — в школу!!!

Царствие Небесное Ираиде Кузьминичне, которая была в общем-то доброй женщиной. В следующем году она скончалась от рака. Ей, наверное, нельзя было так переживать за своих учениц. Мы прощались с ней всей школой в Доме самостоятельности профсоюзов — в здании, переделанном впоследствии в театр кукол...

Нашему поколению повезло и со школьной формой. Вы в курсе, что до начала 1960-х годов учеников школ и училищ по старинке мучили казарменной униформой: подпоясанными гимнастерками, фуражками? Увы, много лет требовалось, чтобы убить эти царские традиции: фуражки, ремни, солдатские сапоги с портянками и прочее, и прочее...

Кстати будет заметить, что любой мой родственник из донских казаков — по линии бабы Сони — также извалялся бы от смеха, увидь он любого своего сородича ряженым в казачий мундир с пашкой. Уверяю вас, настоящие потомки казаков из ростовских станиц и сейчас обвалиются.

Спасибо, мы в младших классах ходили в приличных черных костюмчиках и белых рубашках. Хотя девочек еще не освободили от традиционного коричневого платья с фартуком, где от грудки на спину шли крест-накрест широкие лямки. Пояс фартука сдавливал девочке живот (как когда-то ремень мальчику). Покупали или шили сразу два вида фартуков. Повседневный — черного цвета, парадный — белого. Бедной девочке и бедной маме каждый вечер приходилось подшивать на рукава и воротник платья белые воротничок с манжетами.

Наконец, с четвертого класса всем ученикам и ученицам дозволялось ходить в школу кто в чем хочет.

Впрочем, когда не стало стандартов, некоторым родителям добавилось головной боли. Как одеть сына или дочь оригинально, чтобы угодить их друзьям и подругам? Может, лучше оставить их в стандартной униформе, которую продолжали выпускать для всех школьных возрастов? Никто не осудит. Вот и ходили одни девочки в интересных разноцветных кофточках, а другие — в привешенных фартучках. Вплоть до окончания школы. К тому же, всем выразенным приходилось возвращаться к строгости во время серьезных школьных торжеств.

Главное, что тогда не существовало богатых и бедных. Все были равны в любой одежде. Что Люда в розовой кофточке с фигурками курочек и короткой черной юбочке, что Галя в блеклой фартуковой униформе. Несколько девочек стали уделять особенное внимание своей внешности с шестого класса — с тринадцати-четырнадцати лет. Как и полагается девочкам, если им никто не мешает. Наш пожилой классный руководитель, ветеран войны не мешал.

Но ведь и мальчики чаще всего ценили девочек не по одежке. Они рассматривали их в лицо и начали обращать внимание и на ножки...

Однако мальчики в те годы четко знали грань дозволенного. Большого позволить не могли даже сами себе. Иногда ходили рассказы, как большее позволяют такие-то хулиганы, уже имеющие приводы в милицию. Трех-четырех таких хулиганов, что обитали в центре города, хорошо знали по именам. Однако они учились в 66-й школе, в 37-й, еще в какой-то... Не в нашей.

Другие школьницы к концу 1970-х годов выбрали «макси». Значит, тогдашняя мода уже не вела себя по-диктаторски и каждому позволяла одеться, как он хочет...

Вот так мы и подошли, читатель, к теме школы. Начали рассматривать ее, как ни крути, «по одежке».

6. НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ ТАКОЕ НИКОГДА? ПОВТОРЯЕТСЯ ТАКОЕ ВСЕГДА

Самая необычная глава, с элементами фантастики и фантастичности. К действию подключаем даже машину времени, но ничуть не отклоняемся от насущной реальности

Уроки школьного подземелья

Очень жалел, когда снесли здание моего бывшего детского сада — между прочим, памятник архитектуры в стиле модерн.

В отличие от садика, школа никуда не делась. Средняя 58-я — ныне гимназия имени академика Басова на углу Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Она переживет нас всех. Сомневаюсь только, что она будет жить вечно.

В восьмом классе учитель труда Николай Михайлович Свиридов вдруг позвал меня и еще троих ребят в начале урока:

— Попов, Кириченков, Сугак, Самодуров! Сегодня будете работать не на стан-

ке. Будете спасать нашу школу. Вот для вас ведра. За стеной — песок. Сегодня новую кучу привезли.

— Куда сыпать?

— Вот она, зараза, — трудовик показал на широченную трещину в бетонном полу.

Да и не трещина. Ни много ни мало — провал в какое-то подземелье, никому не известное. Но, позвольте, ведь слесарная мастерская была в подвале — со стороны улицы Фридриха Энгельса.

— Что может быть ниже подвала? — выдавил я.

— И вчера сыпали, и позавчера. А там все пусто и пусто. Зараза... — повторял Николай Михайлович, вытирая с большого лба пот. — Завтра придет Ираида Кузьминична, спросит, почему не засыпали...

Впоследствии, уже после моей учебы в школе, ее стены пришлось решительно укреплять во время капитального ремонта. Да, трещины пробрались даже на фасад. Кирпичную кладку стягивали металлическими тяжами.

В чем же причина? В странных провалах или промоинах грунта? Или в том, что во время строительства школы не полностью срыли подвалы доисторической гимназии Кожевниковой? Собственно, советская школа открылась именно в том небольшом двухэтажном здании на углу улиц. На его месте возвели наше, обширное, четырехэтажное.

Если не успели побороться с подвалами, тогда все ясно. В конце 1950-х и начале 1960-х годов в городе и стране очень спешили построить много школ сразу. Бывало, в Воронеже сдавали несколько школ в одном году, к 1-му сентября.

Когда я пошел в первый класс, казалось, что моя школа стояла всегда. Серая штукатурка чудилась седой от древности. Краска на партах и подоконниках уже лежала в несколько слоев. Даже сейчас с трудом представляю, что здание было новое. На самом деле его открыли лишь за несколько лет до нашего рождения! Просто серый цвет — всегда серый. Просто ремонты в классах делали каждое лето. Все подкрашивали без конца...

Должен вам сказать, что в любом здании самое главное — не само здание, а все-таки люди. Впервые я остро почувствовал эту истину, когда окончил школу в 1979 году. Тянет в школу. Заходишь в нее — и... Школа-то для тебя кончилась. Нет уроков, нет ни одного знакомого школьника. Только бывших учителей вылавливай по расписанию.

Спустя много лет... даже не зайдешь. Сами знаете, какая теперь охрана из-за боязни террористов и сумасшедших убийц-маньяков. Да и зачем заходить, если не осталось даже ни одного нашего учителя? Очень, очень грустно, и более чем грустно — не подберу нужного слова в нашем богатом языке. Перефразируя фразу из популярной песни, «для нас всегда закрыта в школе дверь».

Поэтому буду рад, если в XXXI веке не увижу нашего привычного серого здания (или подкрашенного коричневым, какая разница). Ну, позвольте мне хоть чуточку фантастики. Нажимаем кнопку «машины времени» и переносимся на перекресток улиц... не угадаю, имени кого. И видим на том же месте совсем другое сооружение. Где все цвета радуги будут сиять для детей и снаружи, и внутри. И на уроках. Как знать, вдруг и уроков тогда не будет? Нечто более радужное будет в Солнечных городах. Если, конечно, в XXXI веке будут Солнечные города, а не Луны, населенные сплошными незнайками.

Но наше здание с добрыми людьми не выбросим на интернет-свалку воронежской истории. Зря вы думаете, что машины времени никогда не будет. Давайте запустим ее прямо сейчас. Остановим время в воспоминаниях и на фотоснимках. И, вопреки другой песне детства — «Самоцветы» утверждали, будто «не повторяется такое никогда!» — даже далекие потомки увидят наши повторы на любых вит-

ках истории. Слышали вы, что время развивает общество вверх по спирали? Как утверждают философы и физики?..

Да, здание доброе. Проект самый что ни на есть типовой, но, по-моему, очень удачный. По бокам две одинаковые широкие лестницы, по которым легко взбежать или сбегать всюду, куда надо. В уме каждый раз просчитываешь, по какой лестнице будет быстрее до такого-то кабинета, вплоть до секунд. Перемены-то чересчур короткие между уроками.

А знаете ли вы, что в 1970-е годы наша школа одновременно вмещала семь десятых и семь десятых классов? Школа-то была с математическим уклоном. Помимо трех простых классов, сделали еще четыре математических...

Герберт Уэллс, автор этого модного выражения — «машина времени», — издал одноименный роман в 1895 году. А Путешественника по Времени отправил сначала в 802 701 год, потом в миллиардные годы, затем опять в 1895-й. Не риску так разбрасывать себя во Времени. Вдруг оно, по Уэллсу, не по спирали поднимает, а пагубно вниз клонит. И рискуешь не вернуться в 2022 год?

Упростим задачу.

Отличники, они же троечники: на три года и на всю жизнь

Кнопка «машины» с цифрой 1. Первый «В» класс, первое сентября 1969 года. Первая линейка во внутреннем дворе школы.

Первая ступень той жизни, когда человека основательно отвергают от привычного детства. Упорно толкают в сторону жизни взрослой. А ведь это лучшее время, когда совсем молодой организм развивается. Ему не полезно часами сидеть за партой. Ему полезно много-много двигаться. Полезно запастись энергией от раскаленного солнца, живительных рек, могучих дубрав или хотя бы от крошечного кусочка земли в любимом дворе, от простой травки-муравки, от резвых друзей-ребятишек. Полезно много радоваться и много шалить, чтобы развить в себе добрые чувства и оптимизм. Природа отвела человеку это невосполнимое время — детство, — дабы на всю жизнь запастись здоровьем и добротой.

Разумеется, ученье — тоже свет. Ученье — самое великое благо.

Но если благо — недвижимое и непрерывное десять лет кряду... И не только в школе. Благо домашних заданий...

Впрочем, мне первая кнопка открывает воспоминания только о радости. Радостная мама и я с букетом гладиолусов у нашего третьего подъезда дома. Как не радоваться маме: чтобы повести сыночка первый раз в первый класс, она сумела убежать на день из больницы! Папы нет в кадре, он кадр делает, но мне кажется, что он растворил свою улыбку и свои счастливые глаза по всему кадру... В школьном дворе светло и тепло, солнце захватило весь двор, мальчишки стоят в шортиках. Солнечно улыбаются... нет, постойте, они какие-то слегка истомившиеся и озабоченные. Разве развеселишь первоклашек монотонным выносом школьного знамени? Они, наверно, и не понимают еще, к чему такая церемония. Им не велели маршировать. Их удел — выводить палочки, кружочки, квадратики да флажочки...

Ой, чуть не забыл, что у машины времени есть еще и кнопочка «ноль». Ведь заполнять клеточки в тетрадках мы начали еще в августе. В подготовительном классе. Мне такая писанина давалась легко, натренировался до садика и в садике. Палочки получались очень ровные. Учительнице они нравились. Поэтому нынче мне и моей 88-летней маме, обоим, унесенным временем на полвека назад, можно улыбаться во весь рот. Поэтому мне тогдашнему было спокойно уноситься в начальные классы: никакого страха дальнейшая учеба не внушала.

Так принимали в пионеры. 1972 г.

Но горе родителям, которые не уделили должное внимание палочкам-ноликам своих детей еще до школы! И горе папам и мамам, чьи чада выдались от природы неусидчивыми. В первых же классах таких детей обругали, наставили им троек за учебу или оценок «удовлетворительно» за поведение. И несколько человек не смогли оправиться от своей троечинщины до конца учебы...

Вслед за кружочками и квадратиками мне легко давалось и многое другое. Букварь первоклассника знал абсолютно наизусть. Мне называли номер страницы, и я на память цитировал все строки. Голова-то еще не была загружена тем ужасом знаний, которые в нас буквально впихивали потом многие годы и в школе, и в вузе.

Но таблицу умножения вместил в себя весьма нелегко. Ее задали учить на лето между первым и вторым классами. Попробовал учить по табличкам из учебника — не тут-то было! В течение нескольких минут или часов помнишь, сколько будет шесть семь или девятью восемь, а на следующий день — напрочь забываешь. Полностью помнишь только первые таблички, где все умножается на два и три. При приближении к сентябрю вместе со мной стала немного паниковать мама. Масла в огонь подлила учительница. Мама случайно встретила Евгению Тихоновну на улице, а та после «Здрасьте» умудрилась спросить:

— Павлик, конечно, уже всю таблицу умножения выучил?!

Как обычно, выручил папа. Он написал красивыми, большими и цветными цифрами всю таблицу на восьми ватманских листах. Мы развесили листы по всей нашей единственной комнате. Кроме того, папа подсказал, что некоторые строки можно учить как стихи. «Шестью восемь — сорок восемь». «Девятью девять — восемьдесят один» — тоже стих, хотя и белый...

Вспоминается еще, как во втором или третьем классе отец случайно заглянул в мою тетрадь по математике и увидел букву «икс» в уравнении.

— Ай-яй-яй... — схватился за голову папа, как когда-то хватался при чтении «чудо-юдо-рыбо-кота» Бориса Заходера. — Надо же! И как ты понимаешь этот икс?

— Искомая неизвестная величина. Мы это уже выучили.

— Ай-яй-яй... Так рано вас мучают иксами!

В папином втором классе иксов еще не было. Но впоследствии это не помешало ему окончить институт, стать главным механиком завода, съездить во Францию для закупки оборудования...

Читаю в 2021 году в любимой газете «Мое» советы родителям — тем, чьи дети пойдут в первый класс: «Начинайте готовиться к школе минимум за год. Повести чадо в первый класс — дорогое удовольствие... Либо откладываете деньги, либо покупайте все постепенно, иначе ваш бюджет может не выдержать нагрузки». Вот оно как!

А что же потратили мои мама с папой в 1969 году? И не сказать, чтобы много. Стол — какой был, такой и остался в однокомнатной квартире. Правда, на школьную форму папа истратился, наверно, так, как на еду-питье к мамину дню рождения. Во всяком случае, родители даже речи не заводили о каких-либо затруднениях... Потом на Новый год мне подарили морскую свинку в честь успешной учебы. А после Нового года отец купил мне новую кровать. Она была нужнее всего.

В последующих годах мы с отцом перед 1-ым сентября ходили на школьный «базар». Его всегда устраивали на стадионе «Труд». Покупали мне то новые ботиночки, то белую пионерскую рубашку с нашивкой. Папин карман не разорялся. Тем более, сущие копейки стоили тетрадки и ручки. И одноклассники никогда не сравнивали, у кого лучше ручки или брючки.

А все учебники нам в преддверии каждого нового учебного года вручали абсолютно бесплатно. Я запасался чистой сеткой-авоськой (чтобы не пахла рыбой) и тащил из школы домой эту стопку. Учебники в школу привозили новенькие — из магазина. Их давали навсегда, безвозвратно. Лишь иногда какому-нибудь неотличнику доставалась подержанная книжка — прошлого года, из школьной библиотеки. Говорили, что ему не повезло, что это стыдно. И его родители покупали в магазине новый учебник.

Школа не делала никаких финансовых поборов с родителей. Но всегда приветствовала активную недежную помощь. Мой отец с наслаждением, безо всяких сетований оформлял стенды в школьных коридорах. Тратил на это свое единственное свободное время — субботне-воскресное...

Следующая команда «машине времени» — и я на уроке природоведения. Замечательное было название предмета. Напоминало о главном — что природа сильнее нас.

— Павлик, а что ты знаешь про природу Африки? — вопрошает Евгения Тихоновна, когда я отвечаю у доски.

— Знаю, что там живут разные *звери!*

Не сразу вспомнил, какие именно звери названы в учебнике. Помешала фраза из дошкольного Чуковского, засевшая в голове: «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы!». Однако я постарался ответить так уверенно, что сделал излишнее и смешное ударение на слове «звери». И сам еле удержался от смеха. Пол-класса моментально засмеялось, и громче всех Вова Самодуров. Я знал за собой эту особенность — смешить людей, но на уроке она вылезла очень некстати. Евгения Тихоновна стала меня, отличника, оправдывать не совсем удачно:

— Это Самодуров его насмешил! — объяснила она классу.

Вова сразу возмутился:

— Ничего подобного! Он первый засмеялся!

Самодуров был нашим правдолюбом. Он то и дело осмеливался делать замечания учительнице в ответ на замечания, которые она то и дело делала ему. Просто

Вова был очень подвижным мальчиком, без конца вертелся на уроках, и очень общительным. Это же прекрасно. И очень полезно удачно упитанному (не худому и не толстому) мальчику. Но не тут-то было. Учительница боролась с непримерным поведением Вовы, засаживала его за самую дальнюю парту. Но он и там нашел выход. Бдительно следил, чтобы Евгения Тихоновна не делала никаких потворств своим любимчикам (каким был я). Кричал ей издали, если что-то не так. Понятно, сколько беспокойства он доставлял учительнице. А он оставался верен себе:

— Почему вы опять потакаете отличникам? Он (она) ведь не на «пять» ответил (ответила)?

Только полвека спустя его наконец-то можно смело можно похвалить за поведение.

В третьем классе, перед приемом в пионеры, Вова опять сделал что-то наперекор учительнице.

— Самодуров, с таким поведением ты не скоро станешь пионером!

— Нужны мне ваши пионеры, как собаке пятая нога!

— ???! — Бедная Евгения Тихоновна не сразу нашлась, что ответить. Тогда такое сказание про пионеров звучало страшно. Ничего, Володю вскоре простили. Разумеется, ему повязали галстук, хотя и позже, чем тихоням.

Вообще-то Евгения Тихоновна Строкова была очень сердечной. Говорила красивым, почти ласковым голосом, повышала его как-то наигранно, словно нехотя. Она казалась ангелом по сравнению с крикливой тетей, у которой учился параллельный класс «Б». Мы все считали, что нам досталась лучшая учительница школы, и все любили ее — и отличники, и троечники.

И внешне моя первая учительница была красивой и выглядела довольно молодой даже для первоклашек. Только она имела врожденный недостаток: одна нога короче другой. Может быть, поэтому ее никто не взял замуж. Она приспособилась ходить необычной походкой: медленно и изящно переваливалась с ноги на ногу. И это прибавляло ей основательности в глазах учеников.

Когда мы расставались с ней после третьего класса, мой папа преподнес ей целый фотоальбом. Вклеил туда крупные (18 на 24) снимки. Поэтому Евгения Тихоновна на всю жизнь запомнила наш класс лучше других! Она приносила папин альбом на наш «Последний звонок» в десятом классе. Показывала его всей школе. Много лет она узнавала меня на улице издали, подзывала к себе, расспрашивала о судьбе других детей. Была счастлива от каждой встречи со мной.

Последние годы своей жизни в XXI веке моя первая учительница провела в большой нужде. Маленькая пенсия не давала ей сделать хороший ремонт в квартире. Старушка жила в комнате с грязными порванными обоями. Она искала своих бывших учеников, просила их дать денег на замену проржавевших труб...

Олег Яхонтов тоже тепло отзывается о ней. На удивление тепло. А ведь именно она на всю жизнь записала Олега в троечники. Он вел себя хорошо. И очень странно, что мой замечательный друг и сосед по дому и, казалось, очень способный мальчик читал и считал не с таким результатом, как я. А ведь он лучше, чем другие дворовые дети, рассказывал анекдоты или рассуждал о героях фильма «Джентльмены удачи». Может, до школы недостаточно читал или считал? Но для чего же тогда школа?

Даже Незнайка перед поездкой в Солнечный город, как мы знаем, «значительно поумнел, стал учиться читать и писать, прочитал всю грамматику и почти всю арифметику, стал делать задачи...» (цитата из Николая Носова). Вот что случается с коротышкой, если как следует заинтересовать его. Кстати, в книге изображено, как Незнайка читает на природе, на берегу любимой Огурцовой реки, а не по принуждению — шесть дней подряд за партией! Да, да, скажи,

читатель, разве не излишество — ходить в школу во втором или третьем классе даже по субботам? Когда у родителей выходной? Когда можно вместе с ними — на реку Воронеж? А там, лежа на травке, удобно почитать, по крайней мере, задание по литературе.

Помнится, как в пятом классе Олег лучше всех выучивал стихи по литературе, но стеснялся их читать. Не хотел, чтобы ему поставили пятерку: вдруг класс станет смеяться? Думаю, что это последствия самых первых классов... И мне очень хотелось бы, чтобы Олег, прочтя эти строки, понял, что я захотел представить его с самой лучшей стороны.

Совсем плохи были дела у моей первой соседки по парте — тихой Веры Орловой. Девочка с косичками и выразительными глазами жила напротив меня на Фридриха Энгельса, в старом трехэтажном доме. Мать ее, тоже тихая и приветливая женщина, работала уборщицей. Наверное, Вера до школы совсем мало читала... Евгения Тихоновна посадила ее со мной по принципу контраста: мол, отстающая наберется ума-разума у отличника. Но я же не учитель. В конце концов, Веру оставили на второй год.

За парту сажали обычно по принципу: мальчик — девочка. Я был не прочь сидеть с Наташей Рычковой: ведь Носова читали и обсуждали и на небо смотрели во дворе именно с ней. Мы бы помогали друг другу. Я просил присоединить ко мне Наташу. Нет, учительница не захотела. «Подружка? Подозрительно», — видимо, так подумала она... После Веры, наоборот, присоседили, как считалось, самую способную — Свету Мягкову. Мол, ум-разум лучше набирается, если отличник в паре с отличницей. Да еще с курносой-симпатичной и высокой. Вдобавок родители всегда делали Свете модную прическу, как старшекласснице. С ней было интересно, не то, что с Верой. И Света тоже стала подружкой. Мы о многом болтали. Евгении Тихоновне приходилось делать нам замечания во время уроков (на радость Самодурову!) Но мы не могли не комментировать сногшибательные слова учительницы. Вот Евгения Тихоновна говорит:

— Америка нацелила свои ракеты на самые крупные города нашей страны. И мы в ответ ей тоже нацелили.

— Хоть бы Воронеж был каким-нибудь городом поменьше, хоть бы не считался большим! — сразу делится со мной напуганная Света.

— Но ведь он большой! Сколько заводов! — возражаю я.

— Может, пронесет мимо. Может, не попадут, — надеется Света...

Света вообще была оптимисткой. Глаза не такие грустные, как у Веры.

Много лет спустя я узнал, что ее отцом был известный воронежский психиатр и психолог, профессор Иван Федорович Мягков. Когда в третьем классе я пришел на день рождения Светы, дети очень мало просидели за столом. Вкусные бутерброды с каким-то запасенным деликатесом, чай с тортом — и Иван Федорович сразу объявил: «А сейчас мы пойдем в дом-музей поэта Никитина».

Мягкова жила в доме на углу Никитинской (между прочим, в одном доме с Самодуровым). Поэтому музей близок. И вот Светин отец впервые приводит меня в никитинский домик на Никитинской. В то время обстановка внутри домика была более правдивой, приближенной к истинной. Мы осторожно ступаем по дощатому полу к древнему столику поэта, удивляемся дровяной печке...

Потом все вместе идем в Детский парк. Катаемся на каруселях и смотримся в кривые зеркала... Хороший выдался день рождения. Психолог выглядел художавым веселым молодым человеком и совсем не выглядел психологом. Сегодня заглядываю в энциклопедию и удивляюсь. Оказывается, в тот день Ивану Федоровичу, еще не профессору, было уже под пятьдесят...

Евгения Тихоновна не терпела, когда дети делали в тетрадках помарки, зачеркивания. Сразу снижала оценку, даже если смысл написанного был абсолютно верным. Больше двух помарок — тройка. Но разве можно писать, ничуть не ошибаясь?

Учительница и тут нашла способ, чтобы не обижать отличников или хорошистов. За три помарки ставила нам в тетрадь не «3», а «См.», — что означало: «Смотрела». Мол, посмотрела и никакую оценку не поставила. Мол, пользуйтесь моей добротой и больше не пакчайте.

Между прочим, в начальных классах мы писали чернильными ручками, хотя шариковые уже были во всеобщем обиходе в детсадовское время. В четыре года я вовсю малевал разноцветными стержнями. И вот — здрасьте — какой сюрприз получил накануне первого класса! Мол, учись писать чернилами. Мол, шариковые ручки совершенно ужасны тем, что вырабатывают плохой почерк на всю жизнь. Мол, только в четвертом классе разрешим писать шариковой, если у тебя выйдет хороший почерк.

Сначала мы покупали ручки с открытыми перьями. Ручка имела два колпачка. Второй открывался сзади, и под ним открывалась резиновая пипетка. Окунаешь ручку пером в пузырек с фиолетовыми чернилами — и набираешь их. Чернил вполне хватало на весь день учебы. Теперь-то понятно, что такое новшество — «авторучки» — внедрили лишь лет за семь-восемь до моего поступления в школу. А ведь когда-то в 1950-е годы дети то и дело окунали перья в чернильницу. Да и мы еще сидели за партами старого производства. У них с краю оставались круглые выемки под чернильницы. К тому же, на партах откидывались крышки на петельках. Если встаешь, чтобы ответить учителю, поднимаешь крышку. Потом обратно захлопываешь ее, но не стучишь.

Вы не поверите, но каждая купленная в магазине разновидность авторучки склоняла к изменению почерка. Казалось, что у меня даже настроение на уроке меняется. Вот кончаются чернила в старой ручке, и я вынимаю из портфеля новую. Сейчас буду писать быстрее и с большим наклоном букв. Значит, и настроение будет лучше...

Как раз при Евгении Тихоновне в моду вошли закрытые авторучки, у которых перышки высовывались еле-еле, и ручки перестали часто брызгаться кляксами. Сзади вместо резиновых пипеток придумали спиральные пластиковые «набиралки». И все-таки стоило сделать ручкой неосторожный жест — и помарка была готова: буква под пером запылала. Я уж не говорю о том, что ручка могла (хотя и редко) прохудиться и залить все, что было в ранце, — тетради и книги. Что тогда вместо «См.»?

А что делать, если ты просто случайно описался — «а» вместо «о» или «11» вместо «1»? Мои родители разработали целую систему подтирки записей, чтобы я не получал «См.». И я учился у родителей. Сначала чуть подтираешь букву чернильной резинкой — так, чтобы не сильно повредить бумагу. Потом подольше, но полегче трешь карандашной резинкой. Преосторожнейше скоблишь краем металлического лезвия. Потом опять резинками. Затем снова лезвиями. Главное, следишь, чтобы не вышла дырка. Иначе временно попадешь из отличников сразу в двоечники. Наконец, полируешь бумагу ногтем, чтобы можно было на том же месте слабенько написать новую букву...

К третьему классу почерк у меня получился не только хороший, но и точно такой, каким писала учительница на доске. Евгения Тихоновна удивлялась. Звала меня к доске, чтобы я вместо нее написал тему урока. Никто не мог отличить. И роспись учительницы я умел подделывать идеально. Да только обман ни разу не понадобился.

А букву на бумаге до сих пор умею исправить так, чтобы никто не заметил. Тем более, если написано шариковой ручкой.

Не сразу вспомнил о прелестях первых уроков труда. Их тоже вела Евгения Тихоновна. О них напомнило мое письмо маме в Москву (там она не раз лечилась после перенесенной операции):

«Дорогая мамочка! Я ем с удовольствием апельсины, которые ты прислала. Я съедаю за один раз два апельсина и хочу третий, но папа не разрешает.

Мама! Я завел альбом, где я вырезаю из “Веселых картинок” Незнаек (всех, какие попадутся), а потом наклеиваю их в альбом. Ведь нам все равно все журналы портить, чтобы делать вырезки для словаря по русскому языку. Однако нам к следующему уроку труда задали приготовить картинки о Ленине, а потом, на уроке, будем наклеивать в альбом по труду. Сегодня я разложил эти картинки, а папа приходит и спрашивает: “Что это? Зачем тебе Ленин?”. Я и рассказал ему, зачем я вырезал эти картинки».

На почтовом штемпеле — апрель 1970 года. Первый класс.

Понятное дело, Евгения Тихоновна не сама придумала Ленина. И папа понимал, что школа сразу должна воспитывать школьников в духе наших ценностей, а не западных. Чтобы побеждать Запад. И мы побеждали его до поры до времени...

Сегодня видишь, насколько бедной фантазией обладал тот, кто составлял школьные задания. Более бедной, чем фантазия первоклашки. Вот бы школьник вдоволь навыврезался Незнаек да рассказал классу, чем отличается жизнь Незнаек в Цветочных и Солнечных городах и в Лунах. Тогда Незнайка был довольно новой писательской моделью Носова. А люди-иконы вели не в будущее, а в прошлое. С этим явлением я еще не раз столкнусь, когда стану в строй пионеров или комсомольцев. И когда нас станут беспрестанно отправлять в позапрошлые века на уроках литературы...

Само собой, на труде клеили не только Ленина. Резали на кусочки цветную бумагу. Я с удовольствием делал из нее самые разные аппликации: изображения машин, людей, животных, деревьев, цветов. Учительница благосклонно относилась к художествам всего класса, но антихудожества все-таки не прощала. Если не понятно, что у тебя изображено, значит, ты не годишься в великие художники.

Все мы поголовно — и пацаны тоже — вышивали. А куда деваться? Родственники очень удивлялись, что я наравне с девчонками занимался такой ерундой: на белом клочке материи кропал разноцветным мулине каких-то птичек. Или букет цветочков в подарок маме. Между прочим, ерунда ерундой, а дело было муторное. Сделаешь пятьдесят стежков, а надо пятьсот? Урока не хватало. Приходилось возиться с иголками и нитками дома, чтобы доделать свое творение. Вместо того, чтобы играть во дворе в прятки или сбивать каштаны. Букет для мамы остался недовышитым.

Еще края расшитой материи требовалось обязательно «окистить», как говорила Евгения Тихоновна. Чтобы получилась как бы бахрома. Из крепкой материи выдергивали нитки — через одну! Когда я говорил дома, что сейчас буду «окистять», никто не мог удержаться от смеха.

Особняком стояли уроки физкультуры и пения. Мы поднимались на четвертый этаж, покидая на втором этаже свой насиженный класс и Евгению Тихоновну. Получали хорошую отдушину от заурядности русского языка или математики, или даже вышивального труда. Но на пении или физкультуре напрочь исчезала такая разновидность учеников, как любимчики. Следовательно, там я получал некоторые проблемы.

Пение. Сейчас такие уроки называют «музыкой». И это правильно. А тогда было

именно «пение». Ты попал в хорошую школу? Держись, тебя будут готовить, ни дать ни взять, в вокалисты консерватории.

Высокий, статный, усатый, с волосатыми ручищами, которые щелкают музыкальными пальцами по кнопкам баяна. Это наш учитель пения Борис Иванович Дылько.

Слава тебе господи, что у меня не было голоса, но был слух! Вот вызывает меня Борис Иванович к доске спеть на оценку. И я слышу, какие ноты надо протянуть, но голосок не дотягивает до них. И теряется Борис Иванович — «пять» или «четыре» ставить мне? И велит спеть второй куплет, а потом и третий... Кладет баян, берет ручку, придвигает журнал и... еще несколько секунд раздумывает. И ставит «четыре».

Помню, как Евгения Тихоновна ходила решать мою проблему. Мол, не дело это, когда у ученика в четверти все пятерки, кроме единственной четверки по пению. А я в следующей четверти сам просек, что слух все-таки главнее голоса. Лучше не петь, а словно декламировать, как это часто делают артисты кино. Угодил в ноты. Угодил Борису Ивановичу. И он вывел в четверти «пять».

В полном соответствии со школьной программой учитель-музыкант включал нам электропроигрыватель и заводил пластинки с записями... разумеется, симфонических произведений великих классиков. Типа Моцарта или Чайковского. А на следующем уроке опять проигрывал то же и просил опознать сей отрывок из симфонии! Конечно, никто не мог отгадать. Кроме некоторых девочек, которые одновременно учились в музыкальной школе. Подвезло им. Борис Иванович засыпал их пятерками. А мы, десять человек с улицы Фридриха Энгельса, думали: вот если бы нам завести битло-танго с танцплощадки «Карлуши»! Или «Ничего на свете лучше нету», после чего пятерки получил бы поголовно весь класс.

Помню, как Борис Иванович втолковывал нам: вот играет фортепиано — это, по замыслу такого-то композитора, бежит какой-то зайчик, а вот громко пикинула скрипка — значит, за зайцем погнался волк. Честное слово, только великий учитель мог внимать этой ерунде вслед за великим композитором!

В нашей школе было много новаторств и новаторов. И Борис Иванович не подкачал. Убедил директора, что все парты надо снести на свалку, а вместо них построить амфитеатр с сиденьями, как в цирке или концертном зале. Только сидеть на стульях будут не слушатели, а артисты. А он окажется на арене, словно дирижер, дрессировщик и тигр в одном лице.

Конечно, так лучше. Учитель видит и слышит сразу всех и каждого в отдельности. А если ты слов не выучил — стараешься только рот открывать, будто поешь. Как бы учишься петь под «фанеру» с четвертого или пятого класса.

Увы! В солидном кабинете-амфитеатре Борис Иванович издали будет слышать, у кого в хоре не тот голос, не вызывая даже к доске, и ничего не простит! И за неугадывание симфоний занесет оценки в журнал! Вынимаю сейчас из антресоли свой дневник за седьмой класс и обнаруживаю: только две четверки среди годовых оценок. Одна — по физике (очень трудный новый предмет), а вторая — конечно, по пению.

Зато Олег Яхонтов был доволен: получал по пению хорошие оценки вместе со всеми. То слухом поразит учителя, то голосом!

Что же мы разучивали?

Оказалось, что моя память перебрала мне в новый век пять песен. Конечно, это не столько результат прочности памяти, сколько показатель тогдашней музыкальной педагогики. Что предпочитали лучшие учителя пения?

Думаю, что в первую очередь они выбирали душевные мелодии.

В первом классе была песня про детство: «Пусть в эту страну не идут, не идут

поезда, / Нас мамы впервые приводят за ручки туда...» (Ради чистоты эксперимента цитирую только по памяти, в книги и интернет не заглядываю.)

Затем, разумеется, детско-политическое — про пионеров. Такое мы разучивали для пионерских линейек. Ведь каждый класс, то есть каждый «отряд», обязан был петь на линейках что-то свое. «Звено такое дружное на свете не одно, / Ведь рядом с нами учится такое же звено... / В саду березки белые (стройные, дружные?) / вдоль школы стали в ряд, / А звенья пионерские / сливаются в отряд!».

Впрочем, помнится, в качестве отрядной Впсни Борис Иванович выдал нам совсем грустное произведение: «Наш веселый умолк барабанщик, не нарушив привычную тишь, / Только ты, запевала, как раньше, в поредевшей колонне стоишь...»

Никогда не обходилось без темы гражданской войны: «И останутся как в сказке, как манящие огни, / Золотые ночи Спасска, Волочаевские дни...»

В обязательном порядке — песня о родном крае «То березка, то рябина». Многие пели из урока в урок: «И куда не бросишь глаз...» вместо «бросишь взгляд...». Учителю надоело поправлять. В конце концов, он стал передразнивать учеников. Растопыривал пальцы на руке и изображал, как со страхом вырывает себе глаз и бросает его куда-то в дальний угол кабинета!

Был бы жив поэт Антон Пришелец, послали бы ему сейчас пожелание улучшить текст. Чтобы не спотыкались многие дети об одно и то же слово с четырьмя согласными подряд — «взгл». Песня-то патриотическая, смеяться грешно...

Были всегда готовы?

Третья кнопка на машине времени словно заедает. Как я стал пионером?

Надо машине помочь. Сейчас я представляю, что на мне опять надет красный галстук. Залезу на антресоль, чтобы поискать смятый кусочек материи. Точно помню, что он не выброшен... Получилось!

Отец очень расстроился, когда узнал, что не сможет сфотографировать церемонию: как меня принимают в пионеры в третьем классе. Ведь принимали партиями, выбирая из класса по несколько человек. Сначала самые достойные, потом просто достойные. Учительница выделяла тех, кто, по ее мнению, хорошо себя вел. Устраивали много репетиций у доски. Вешали галстук на вытянутую руку, согнув ее в локте, — чтобы старшеклассники подошли и повязали, когда будет настоящая церемония в спортзале. Учились отдавать салют, говорить «Всегда готов!» и так далее. Нас учили отвечать на вопрос: «Почему галстук алый?» — «Это цвет крови, пролитой дедами за страну».

Папа нашел выход из положения. Когда его отпустили с завода, он пришел в класс и попросил учительницу, чтобы мы, принятые в пионеры, опять стали у доски и изображали, будто еще не приняты, — репетируем. А он снимет.

— Здорово! — обрадовалась Евгения Тихоновна. — Но сегодня уже поздно. Приходите перед Восьмым марта. Как раз все наденут белые рубашки и пилотки!

Довольны были и дети, и родители. Света Мягкова и Галя Завадская — вновь нацепили октябрятские звездочки для достоверности.

Так остались снимки на память, ведь на них не подписано, что мы понарошку стоим. Впрочем, в тот же день была устроена и очередная репетиция для тех, кто еще в октябрятках. Значит, никакого обмана нет. И все-таки, согласитесь, моего папу тоже можно записать в фантасты, пусть и проще Носова. Уже тогда он придумал, как мне вступить в пионеры второй раз, перенестись назад на пару недель...

Мы, девятилетние и десятилетние, считали галстук хорошим украшением. Помню, как по пути из школы домой расстегивал куртку около шеи, — чтобы все прохожие видели, как здорово я одет. Делал так не только в третьем, но и в четвертом, и пятом классе. Красные язычки галстука вырывались и эффектно колыхались на ветру. Будто огонь горел на груди. И всем девочкам галстук очень шел.

Галстук дисциплинировал каждого. Если сказочного носовского Незнайку удерживало от плохих поступков желание заполучить волшебную палочку, то в реальности учительнице достаточно было заметить:

— Ты же пионер! На тебе же красный галстук!

Надев галстуки, мы со Светой Мягковой приятно ощутили себя более взрослыми. И более причастными к делам взрослых. Ведь недаром поклялись быть готовыми к их «борьбе» за их «дело».

Однако пионерские линейки с выносом школьного знамени показались чем-то неестественным. Да, не естественна была замедленная маршировка знаменосцев — большого, старшего мальчика и двух девочек. Мне казалось неестественным само знамя. «Зачем это таинство — долго таить флаг где-то в углу, а потом вдруг выносить его на свет с таким заунывным шествием? Ведь флаги страны всегда свободно и радостно развеваются над крышами?» — примерно так я рассуждал. Не помню, что было начертано и изображено на знамени. Что-то идеологическое. Такое не вспомнить без подсказки, поэтому поправьте меня, если не прав... Впечатляли только рассказы про героя войны Валентина Куколкина. Нам говорили, что он когда-то учился в нашей школе, и поэтому его имя носила школьная пионерская дружина. (Фамилию «Басов» мы даже и не слышали ни разу, прочувствуй все десять лет.)

Я и сейчас думаю почти так же. Неужели нельзя было придумать что-то более зажигательное для девятилетних? Конечно, пусть знамя осталось бы знаменем. Однако за знаменем вынести бы флаг... конечно, не с мордами волка и зайца и надписью «Ну, погоди», но хотя бы с изображением школы и лозунгами «Да здравствует наша школа!», «Дети всех стран, соединяйтесь!»...

После третьего класса, в 1972 году, папа на своем заводе радиодеталей взял мне путевку в пионерлагерь «Маяк». Я думал, что получится здоровский отдых и развлекусь на полную катушку. Лагерь имел хорошую репутацию. Вообще ВЗРовские сотрудники везде отличались сердечностью, а ВЗРовские столовые — и на заводе, и на турбазе, и в лагере — славились богатой кормежкой.

Именно тогда папа впервые дал мне свою простую «Смену-2». Я думал, что буду много гулять по лагерю и по берегу Дона. И там щелкать природу и своих новых знакомых мальчиков и девочек.

Куда там! Бесконечные хождения строем целый день: от завтрака до обеда, от послеобеденного сна до полдника и от полдника до ужина — оказалось, в этом и есть главная суть лагерной жизни!

К Дону нас даже близко не подвели. Река уже тогда считалась грязной и, само собой, опасной. На берег нас не пустили ни разу. Невзирая на двойной бдительный присмотр воспитательницы и пионервожатой. Зря кто-то когда-то устроил лагерь на большой реке.

В первый день самостоятельно погулял по лагерю и тут же получил выговор от чутких и добрых девушек: воспитательницы Раи и вожатой Любы. Они же запретили оставлять «Смену-2» в домике, в тумбочке. Мол, домик без замков. Отнес аппаратик в камеру хранения, в свой чемоданчик. В другой раз еле-еле отпустили меня утром за камерой. Искали сестру-хозяйку с ключом. Лишь один день поснимал все и всех вокруг. И решил: пусть остается камера в камере.

Утро начиналось с раннего пробуждения. С моментального заправления посте-

лей. Спасибо еще, что тогда пододеяльники были нормальными. Они имели очень большие вырезы — не в пример маленьким дырочкам современных пододеяльников (какой же нехороший человек их придумал?). Требовалось определенным образом заправить постель — разгладить и загнуть — не более чем за минуту. Что ж, прекрасная подготовка к девятому и десятому классам, к урокам НВП! Я могу сравнить то лагерное действо только со школьной разборкой-сборкой автомата Калашникова за 45 секунд.

Потом — умывание и чистка зубов пастой «Апельсиновая» (она была почти у всех) во дворе, под небом и под простым краном. Потом зарядка. И сразу — на завтрак в столовую, а затем моментально, не медля ни минуты, — на лагерную линейку. Со всеобщим построением, какими-то рапортами, выносом знамени, салютами — в общем, со всем, что успело приесться в школе.

После линейки — разумеется, разучивание пионерских песен и речевок! Строем в беседку. Баянист виртуозно перебирает кнопки. Что поделать, это не органа в моей родной «Карлуше». Но репертуар убойно лагерный. «Это кто шагает в ряд? Пионерский наш отряд». Песни гражданской войны (они воистину великолепны). «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону». Девочки поют и представляют, как когда-нибудь выйдут замуж и, не дай Бог, получат такой же приказ! Поэтому следующая песня — обнадеживающая: «Летите, голуби, летите...» Хотя и «к грозной мгле», но одновременно и «к труду и миру на земле». К сожалению, задушевная песня сразу вызывала хихиканье мальчишек. В те годы в детских кругах слово «голуби» имело двойной смысл. Оно означало еще и «газы во время пуканья».

Правда, после полдника нас часа полтора выгуливали на лужайке, среди осен, где стояли простые скамейки. Тот, кто любил читать, сидел и читал книжки.

Только после ужины наступала свобода: приятные танцы на танцплощадке (слово «дискотека» еще не было). Непионерские песни типа Магомаева или Ободзинского или родившихся тогда «Самоцветов» — «Увезу тебя я в тундру!» — нравились всем. Меня впервые учили, как поступать с девочками во время медленного танца, — за что их брать. Поначалу я почему-то без конца путал: клал им руки не на талию, а на плечи. Девочка начинала со мной белый танец, но прекращала его и кивала на меня: «Он не умеет танцевать! Пусть ему Рая снова покажет!» Вот и вспоминаю невольно Раю всю жизнь во время дискотек.

Спрашивается: ну почему бы и днем после «Это кто шагает в ряд?» не пошагать если не под битлов, то под «Увезу тебя я в тундру»? Дети же. Десятилетние же... Страна, которая быстро и дружно двигалась вперед и отдавала детям все возможное и невозможное, застряла со своими устаревшими фетишами где-то в 20-х или 30-х годах. И не хотела делать детям исключение. И понятие «лагерь» тоже не исключала. Между прочим, коротышки Носова в Цветочно-Огурцовом городе уже в 1950-е годы учились радоваться солнцу и летать в космос без лагерей и маршировок... Не отсюда ли брало начало будущее разочарование в своем «совке» многих бывших пионеров?

Самое интересное — после отбоя. Мальчишки, которым целый день не давали выговориться, наконец-то выговаривались, лежа в кровати! Страшные истории, анекдоты. Сколько новых анекдотов (едва ли не все) я узнал! В детской среде тогда были очень популярны анекдоты про Василия Ивановича Чапаева и Петьку.

— Стоят Василий Иванович и Петька, — уверенно декламировал не уверенный днем пионер, очкарик Вова. — Вдруг самолет как пролетит! «Василий Иванович, пронесло», — говорит Петька. — «И меня тоже», — отвечает Василий Иванович и поправляет штаны...

Многие бывшие лагерные дети сейчас вспоминают, как ночью девочки и мальчики мазали друг друга зубной пастой. Увы, мы были еще слишком маленькие. Рядом засыпала в своей комнате (с открытой дверью) воспитательница. Если кто встанет — она сразу услышит.

Какой-то день продежурил вдвоем с хорошей девочкой на лагерных воротах. Это тоже было очень увлекательно. Ворота были украшены приметной красно-желтой башней — макетом маяка, символом лагеря. Это мой отец когда-то делал там иллюминацию: чтобы вверху мигал фонарь. Дежурные детские пары выставляли туда каждое утро. И почему-то не боялись оставлять их безо всякого присмотра. Ворота распахивались настежь. Мы по очереди спрашивали каждого входившего: «Здравствуйте. Куда идете, по каким делам?» И друг друга расспросили о жизни как следует, пока дали свободу. Во время белого танца не успели...

Совершенно не привыкший к несвободе, я упросил родителей забрать меня из лагеря на неделю раньше. И больше в лагерях не был. Наверное, зря. Мне многие говорят, что увозили из лагерей светлые впечатления в более старшем возрасте...

В школе как на войне, или Рассказ о настоящем мужчине

Четвертая кнопка машины времени.

И мне опять надо спешить в четвертый класс!

Первый раз иду во вторую смену — к двум часам дня. Поэтому впервые в жизни гуляю во дворе лишь часок — с двенадцати до часу. А к часу баба Соня ставит на стол тарелку со свекольным борщом. Из-за моей второй смены бабушка вновь заняла свой обеденный пост.

Ух, как явственно сработала машина! Кажется, что я действительно на пути в школу в 1972 году. Вижу «Икарус» пятого маршрута. Подъезжает к остановке «Шахматный клуб» именно тогда, когда я иду мимо клуба. Он делал так почти каждый раз. И сейчас перестроился под мое расписание. Без пяти два подкатил. Добрый знак. А в приметы я не верю ни в какие.

Прощайте, начальные классы, а вместе с ними и насиженный 13-й кабинет на втором этаже. До свиданья, первая учительница. Прощай, мой статус отличника. Привет хорошисту.

Здравствуйте, пять уроков в день вместо четырех. Здравствуйте, столы вместо парт, а вместе с ними и так называемая кабинетная система. Ее наша школа внедрила в числе первых. Не учителя физики, химии, биологии стали ходить из в класса в класс, а классы ходили из кабинета в кабинет — физики, химии, биологии. Кабинеты оборудовали всеми необходимыми приборами, наглядными пособиями, лаборантскими комнатами, водопроводными трубами, электророзетками. Нам опять повезло.

Однако в сердцах детей и их мам пробегает холодок. Как ни строга Евгения Тихоновна с ее «См.», с ее «удами» по поведению, все же нет ее ближе и роднее в школе. Когда надо, приголубит и в обиду не даст.

А чего ожидать от грозного с виду, пожилого мужика с крупным носом, большой благородной полуседой шевелюрой прямых волос (как у актера) и медалью «За оборону Сталинграда» на груди?

Василий Александрович Левтеров — так звали нашего нового классного руководителя — сразу почувствовал нашу боязнь. Он собрал собрание учеников и родителей четвертого «В», всех вместе. Держался подчеркнуто несуетливо. И спокойно заявил нам:

— Хотя моя фамилия начинается страшно, на «лев», сам я не страшный.

Василий Александрович пытался подчеркнуть нестрашность, мудрость и талант тем, что часто рассказывал урок проникновенным шепотом. Например, с большим предыханием и еле-еле слышно зачитывал «Я помню чудное мгновение» Пушкина. Чтобы через несколько месяцев более громко и сердито декламировать некрасовское «Вынесет все — и широкую ясную/ Грудью дорогу проложит себе...»

Разумеется, во время его шепота весь класс должен быть сидеть замертво, не дыша, дабы не заглушать слова учителя.

Увы, фронтовик, видать, подорвал свои нервы и в Сталинграде, и вообще на войне. Лишь кто-нибудь нарушит тишину на уроке — и учитель срывается сразу на крик и ругань! Вскაკивает и с силой колошматит деревянной указкой по столу! Вот вам и Лев... теров.

Еще страшнее, если отвлекутся не один-два ученика, а больше. Левтеров зло командует всему классу: «Встать! Сесть! Встать! Сесть! Встать! Сесть!»

А ведь действительно талантливый был педагог и рассказчик. И, кажется, образование имел очень высокое. Знал назубок все правила русского языка. Нас ставлял досконально разбирать каждое правило. Я ему стал импонировать тем, что писал почти без ошибок. Но то была заслуга скорее не Евгении Тихоновны или Василия Александровича, а... Николая Николаевича, то есть Носова. Я столько раз перечитывал его, что часто писал слова и расставлял запятые как бы по памяти, машинально. Носов словно специально (может, так и было) употребил в своих рассказах и романах все возможные случаи орфографии и пунктуации.

Тем не менее, в шестом классе я не случайно напишу собственный стих:

Время быстро летит, завтра в школу пойду,
Где орать будет Левтеров Вася.
А сидеть, как всегда, буду в среднем ряду,
Где сажу я уж с третьего класса...

Кличка у него, разумеется, была «Вася». И многих учительниц кликали так же, по именам: Галина, Ираида, Жанна, Клара...

В четвертом классе Вася особенно усердствовал, воспитывая не только учеников, но и родителей.

Из моего письма маме в Москву 12 февраля 1973 года:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Папа ходил на родительское собрание. Василий Александрович говорил, «что я способный ученик, только по математике у меня чего-то не хватает». Вот приедешь, мы тебе поподробней расскажем. Двое родителей (Геры Бокка и Павлика Плетнева) пойдут в кино, будут смотреть фильм специально для родителей, а на следующем собрании расскажут о нем. Василий Александрович дал им билеты. Еще родительский комитет будет покупать всем родителям книжки о воспитании детей. Все родители с их учениками будут вызваны на родительский комитет, чтобы отчитываться об успеваемости.

Когда шло собрание, я с Наташей, Мариной и Светой ожидал папу в школе. Мы подглядывали в дырку на двери кабинета. Когда Василий Александрович учил родителей, я видел, как папа подпер рукой подбородок и замер, слушая учителя. Потом пересел, но занял такую же позу».

М-да... Вероятно, это новая директриса школы Ираида велела классным руководителям, чтобы они всех держали в ежовых рукавицах. Но не пройдет и года, и кончится такой пыл и у Ираиды, и у Васи. Во всяком случае, меня с родителями ни разу не вызывали на «допрос» родительского комитета. Что же, родители — сами себе враги?..

На 9-е Мая папа вдруг решил, что мы с ним должны сходить домой к Василию Александровичу и поздравить его. Отец сокрушался: мол, как же так, учительниц вы поздравляете с 8-ым Марта, а участник — шутка ли сказать! — Сталинградской битвы! — останется прозябать непоздравленным.

Мне папина затея казалась неестественной. Я его отговаривал. Но отец, видимо, считал, что это нужно не только для Васи, но и для меня. Папа ухитрился посетить вместе с мной кабинет то ли директора школы, то ли завуча, и спросить Васины адрес и домашний телефон.

Телефона у фронтовика не обнаружилось (а ведь его имели большинство учеников). Адрес дали легко. Плехановская, дом с магазином «Карандаш».

Купили букет то ли тюльпанов, то ли гвоздик и пошли.

Увиденное поразило и меня, и отца. Папа долго потом приговаривал:

— Ай-яй-яй, как живут настоящие участники войны!

Васи дома не было. Дверь открыла его жена. Квартира оказалась коммунальной: от длинного коридора отходили узкие комнатки-аппендиксы. В каждой было окно на Плехановскую. Вася жил в столь крохотной комнате, что у него помещались: кровать; письменный стол у окна, где лежали наши тетради по русскому; единственный стул у стола, где висел Васин пиджак со сталинградской медалью. И это все?

Цветы вручили супруге. Уже уходя из квартирочки, я стал оглядываться: а где же Левтеровы держат одежду, не считая пиджака? Заметил в углу что-то наподобие тумбочки или ширмочки или невысокого шкафчика (пиджак туда, должно быть, не влез). Да, классный руководитель раскрылся мне как крайне скромный человек...

После 9-го Мая Василий Александрович ничего не сказал мне. И не стал относиться ни лучше, ни хуже. Наверное, стеснялся завести разговор о квартире.

К сожалению, в дальнейшем Вася стал совершать некоторые поступки, которыми он оттолкнул от себя учеников.

В шестом классе, во время перемены, кто-то написал мелом на доске крупными буквами: «ЕВРЕЙ». Кто-то имел в виду явно не Василия Александровича. Понимаете, в тогдашнем лексиконе детей это было необходимое ругательство, не привязанное к национальности, наподобие «дурачок». Слабая дразнилка. Нехорошо, конечно, что слово вызывало ассоциацию с конкретной национальностью, и писать его на доске, без сомнения, не следовало. Но кто же мог предвидеть реакцию Васи? Кто же мог подумать, что он настолько отстал в познании ученического лексикона?

Сначала показалось, что Левтеров спокойно прошел мимо доски. Однако затем он занял позицию за своим столом с таким видом, будто зашел в окоп во время Сталинградской битвы. Мы надеялись, что он все-таки скажет что-то адекватное написанному: «Дурачки, сотрите, а то мне писать будет негде». Однако литератор произнес:

— Вот она, настоящая цена того, что вы считаетесь пионерами!!

При этих словах в классе воцарилась мертвая тишина. Каждый почувствовал самого себя как в окопе, и не зря.

Далее Василий Александрович стал поочередно, пофамильно поднимать каждого и задавать ему один и тот же вопрос:

— Ты знаешь, кто это написал?

Начал с Юры Власова. Потом задал вопрос еще тридцать два раза. И услышал тридцать три ответа:

— Не знаю. Не видел.

Многие, действительно, не видели — выходили на перемене в коридор. А у остальных сработала однозначная установка: «Не ябедничай!» Лишь на следующей

перемене они раскрыли друзьям тайну. Оказалось, писала вполне хорошая девочка (мы ее и сейчас не выдадим). Как тут не вспомнить, что дети отучали друг друга ябедничать, начиная с детсадовских лет? Про ябед были самые жуткие дразнилки. «Ябеда-корябеда, зеленый огурец, никто с ним не играет, никто его не ест!!!» По счастливой случайности, мы с Юрой Власовым и в садик ходили вместе. Однажды мы с ним сбежали от воспитательницы в садиковский дворик, сказав, будто пошли в туалет — надолго пошли, чтобы какать. Никто не выдал нас даже тогда, когда воспитательница подняла панику!..

Получилось, что мы сами преподавали нашему главному учителю урок: «Как не надо проводить урок на тему национального равенства». А между собой недоуменно перешептывались: «Может, Вася — еврей?». Я и теперь, представьте, не знаю, русским или нет был наш учитель русского. Как не знаю и национальностей всех своих одноклассников, у которых случались необычные фамилии.

Тогда мы все вместе, едино — русские, евреи, украинцы, армяне — совершенно не считали, что кто-то может отличаться в плохую или хорошую сторону из-за национальности. Никогда не спрашивали друг у друга: «Ты русский или нет?». Просто неинтересно было. И учителя не спрашивали. Все считались русскими по факту учебы в русской школе. А что там у родителей в паспорте — какая, на фиг, разница?

То был результат не единичного какого-то урока, а всего нашего воспитания, начиная с пеленок и с детского сада. Знать, не зря нас заставляли рядиться в эстонцев, украинцев, грузин и прочих! Думаю, не случайно в стране начались националистические поползновения именно тогда, когда стала рушиться сама страна, с ее привычной воспитательной системой.

...В конце шестого класса мы стали прикалываться над Васей: дурачились на уроках и ожидали его реакцию. Провоцировали его сорваться с шепота. Можно сказать и так: нас вдохновляли наши девочки, перед которыми мы желали выделиться смелостью и оригинальностью. Мы желали посмешить своих соседок.

Мне трудно назвать дневниками мои записи, которые я временами вел в школе и после школы по свежим следам. Как бы то ни было, среди записей есть интересные. Вот одна из них.

«12/IV-75 г., суббота. На уроке русского языка решил провести «психологический опыт». Запихнул себе в рот все бумажки, какие лежали на столе (промокашки, черновики и т.д.). В.А. прекратил тихую речь и вскочил с места со словами: «Ну, какие там еще грязные тряпки у тебя во рту?!» Забрал мой дневник, но ничего в нем не написал. Гладнева и Беляева, которые сидели впереди меня, улыбались мне».

Здесь дневник — имеется в виду школьный. «Опыт» показал, что девочки меня оценили, а Вася поступил по-мужски, по-ветерански. Не стал писать на нижних полях дневника, как это делали учителя-женщины: «Замечание на уроке...» Между прочим, я очень гордился, когда биологичка Жанна Александровна вlepила мне замечание на уроке. Возможно, тоже «съел» что-то. Я же любил везде показывать фокусы. К тому же, слишком часто фотографировал на биологии исподтишка. Потом хвалился перед друзьями и, конечно, подружками этой записью в дневнике.

Да только Олегу Яхонтову не повезло.

Он на уроке у Васи скорчил две гримасы. Соседки были довольны. Увы, Вася схватил со стола свою указку, размахнулся и треснул ею Олега по голове!

Такой поступок классного руководителя уже не мог сойти ему с рук, занятых рукоприкладством. Родители пожаловались школьной директрисе Ираиде Кузьминичне. Нервного учителя отстранили от классного руководства. Правда, в следующем седьмом классе он продолжал вести русский и литературу. Но потом куда-то делся совсем, ушел из школы.

Значит, и родители преподнесли ему урок вслед за учениками?

Очень, очень хороший человек был наш второй классный руководитель. Мне его жалко. Но почему же он не смог понять такой простой вещи — что в 12-13 лет девочкам и мальчикам пора выделяться друг перед другом?

Шестой класс — заметный рубеж в жизни человека! Я хорошо это помню. Первый шаг из детства, когда не только ты сам, но и все вокруг тебя начинают думать немного по-другому. И от мыслей переходить к делам.

В шестом классе мы пробовали курить. У кого-то отцы с пониманием относились к этому начинанию, а у кого-то матери, как у меня, были намертво против даже проб.

Именно тогда девочки и мальчики впервые проявили большой интерес друг к другу. Начинало в полную силу сказываться совместное обучение — это великое достижение прошлых 1950-х годов! Мальчики заглядывали девочкам в глаза, на фигуру и на одежду. Заглянуть под одежду нам не позволяла слишком прочная перегородка в физкультурной раздевалке на четвертом этаже.

Тогда же приходила какая-никакая, а первая любовь...

Постойте, здесь нам предстоит сделать следующий подзаголовок.

Людмилы XX и XXXI веков

— Представляешь, папа, в двадцатом веке уже было имя «Людмила»! — девочка по имени Людмила-589325478 поделилась с отцом, которого звали Владимир-857318630. — А многие другие имена какие-то смешные. «Павел, Павлик» — это похожий на павлина, что ли? А вот еще: «Елена, Лена». Может, она выросла под елью?

— Да где ты вычитала такое? — улыбнулся Владимир-857318630.

— Не вычитала, а выполнила задание учителя. Вчера, на увлечении по историческим поискам. Нам задали активизировать 347-й мозговой контакт и установить связь не менее чем с 2000 годом. Я решила забраться чуть подальше. Выбрала наугад 1975 год, а координаты взяла нашего Дворца детей-15. Очень захотелось узнать, что было на месте Дворца.

— И что же?

— Представляешь, тоже дети учились. Только место называлось смешно — «школа», — подметила Люда-589325478. Одну букву изменить — и было бы «шкода». Увлечения называли уроками — какая скукота! А еще контакт 997 показал, что это место уже было описано в журнале «Подгём» чуть больше тысячи лет назад. Историком и писателем Павлом Поповым. Он писал, что учился здесь в школе, и вместе с ним учились эти самые — Люда, Лена...

— Более тысячи?! А ты с расчетами не ошиблась?

— Нет, папа, смотри. Попов писал в 2022 году. А сейчас у нас 77 июля 3023 года. — С этими словами дочь оторвала листок календаря. — Получается разница: 1001 год.

— Подожди, насколько я помню, в древности в месяце было только 30 дней. Ты забыла, что Земля двигалась быстрее. Значит, если считать по нашим годам, прошло меньше тысячи...

— Ну ладно, папа, — закапризничала Люда-589325478. — Все равно очень давно... А ты знаешь, что в 1975 году у людей тоже были календари, книги, тетради из бумаги? Я раньше думала, что всегда были эти вредоносные компьютеры. Тьфу, компьютеры. Нас ведь учили, что до двадцать четвертого века были компьютеры, люди страшно мучились, часами сидели на одном месте, ломали глаза. Нет! При Попове люди уже были умными, даже в школах читали бумажные книги... Почему же они не знали, что бумагу можно добывать на

Марсе-35? Представляешь, какие наивные люди: они думали, что у них только один Марс. И на бумагу рубили деревья на Земле!

— Люда, ты, я вижу, увлеклась... Что там было с твоей тезкой?

— Да, я заглянула даже в 1976 и 1977 годы. Представь, когда мальчики влюблялись в девочек в 12 или 13 лет, то ничего с ними не делали. А еще дети на так называемых уроках плевались пшеном. И им ничего за это не делали!

* * *

В начале шестого класса, не с первого сентября, но в сентябре, к нам успела прийти новенькая.

Как раз в те годы на киноэкраны вышло несколько фильмов про первую школьную любовь с первого взгляда. Наверное, и со мной случилось то же. Во всяком случае, Люда понравилась мне сразу — когда внезапно открылась дверь на Васинном уроке русского.

Вообще-то звук двери, открывающейся среди урока, вызывал у школьников неприятные чувства, вплоть до замирания сердца. Признак того, что в школу нагрянули проклятые зубные врачи! Сестра-стоматолог беззастенчиво распахивала дверь, держа в руках список класса, и заявляла: «К зубному... Бурков, Попов, Шестакова!».

Все хорошо знали, чем это грозит. Многие пытались отказываться. Иногда им везло: учителя не отпустили с контрольной или самостоятельной.

О наших зубах государство заботилось столь пристально, что едва ли не все зубы оказались основательно перепорчены уже со школьных лет! Тогда сверлили без наркоза, грубыми бор-машинами, от которых сотрясалась вся башка, до мозгов (немного меньше, чем в кадрах фильма «Иван Васильевич меняет профессию»). От одного только запаха зубного кабинета — он вонял тогда каким-то убойным антисептиком — детей бросало в дрожь. Даже если это был только запах, без приглашения в кабинет. Помню, как на моих глазах девочка Ира из параллельного класса потеряла сознание при сверлении коренного зуба...

Однако из двери в класс шагнула завуч. Привела новенькую.

— Садись пока на любое свободное место, — учитель с фамилией на «Лев-» залубался, стараясь выглядеть наименее страшным.

Люда Беляева шарила глазами по классу. Учеников много, мест мало. Ей стало страшновато, но она постаралась сразу произвести впечатление. Круглое милое личико, красивая прическа — волосы спадают на плечи. Глаза блуждали по классу и встретились с моими глазами. Взгляд одновременно тревожный и озорной, легко бегающий и тяжелый, туманный, внимательный... За все пять предыдущих лет никто так не смотрел. Я понял, что мое продолжение последует.

А что еще надо в шестом классе, кроме такого пленительного взгляда? Как в устаревшей кинопесне: «Оттого, что ты мне просто улыбнулась». Но в фильме странно наивные слова пели взрослые люди. А для шестиклассников — самый раз, не странно.

Взгляды на улице... Во время игры, во время «слезки» за Людой, когда она выходит из школы. Но ее ждет мама: им не пешком и не близко добираться до дома, а на троллейбусе на Левый Берег — до остановки «Заводская». Что ж, уже не «как будто», а на самом деле сажусь в переполненный 8-й троллейбус возле института «Гипропром». Стараюсь не привлекать внимание Люды и ее мамы, прячусь на задней площадке. А фиолетовое пальто девочки хорошо видно везде: и на остановке, и в гуще троллейбуса.

Так в 12 лет, зимой 1975 года, я заодно освоил Левый Берег. Детские ощущение

ния: поначалу казалось, что на другом берегу города живут и люди другие. Может, ведут себя по-другому; может, говорят иначе?

Различий находил мало. В конце концов, Воронеж-то один, и люди перемешаются, когда троллейбусы возят их между берегами. Примерно так рассудил и на этом успокоился.

Однако с каждым разом все больше беспокоилась Людина мама — Нина Тихоновна, тихая невысокая и худая женщина (работала на телестудии). Беспокоилась за меня. Как я один доберусь один на Правый Берег вечером? В полной темноте, в мороз?

Добирался хорошо, ибо в то время новенькие троллейбусы (модернистского дизайна) ходили без конца и быстро. Улицы были полупустыми — на своих авто не ездил почти никто. А много людей в салоне получалось как раз после школы — в час пик.

Чтобы успокоить Людину маму, привлек к «слежкам» своего проверенного друга Олега Яхонтова. Потом ему надоело, и вечерняя игра прекратилась.

Люда была девочкой общительной, с чувством юмора, и довольно активной. Сбирала с нас деньги на подарки учителям к Восьмому Марта. С ней с удовольствием болтали многие мальчики. И она отвечала им улыбками и шутками. Думаю, что все пожалели, когда в начале девятого класса она перешла в другую школу.

И Яхонтов после наших вечерних игр, похоже, чаще обращал внимание на Беляеву.

Из моих записок «с натуры»:

«17/IV–75 г. На географии Яхонтов «свистнул» у Беляевой транспортир, чтобы провести прямую линию. Я взял транспортир. Беляева сердилась и весело засовывала Яхонтову за шиворот всякие штучки со словами «Что это такое?».

«13/IX–76 г. Беляева раздавала билеты в театр. Улыбалась Буркову. Передала ему билет, хотя он денег не сдавал. Билет передала через меня. Яхонтов сидел со мной и изображал, что рвет билет. Она сердито смотрела».

«20/X–76 г. на перемене с физики на анатомию Яхонтов кинул в нее в классе куском яблока. Она подошла и стала стряхивать его на мой стол, потому что Яхонтов со мной сидел. Я стал вытирать яблоко о Беляеву. Реакция была положительная».

«21/X–76 г. В ТЮЗе смотрели «Недоросль». У Беляевой прическа и глаза! Она сидела впереди меня с Леной Шестаковой. Бурков, Власов и Кравченко во время спектакля кидали бумажки в Шестакову и Беляеву. Я положил бумажку на голову Беляевой. Она улыбалась всем. Шестакова повернулась ко мне и сказала: «Попов, ты — и балуешься?». Беляева: «Он разбаловался, а раньше отличником был!». Шестакова: «С кого ты пример берешь?». Я: «С тебя». Беляева: «Нет, он с меня пример берет. Я шалунья». В это время прошел слух, что около ТЮЗа стоят 50 человек чужих парней и будут нас душить. Я с Гурьевым, Власовым, Сугаком, Бурковым быстро прошли, никто и пальцем не тронул».

«2/XI–76 г. Яхонтов на геометрии все время писал Беляевой шуточные записки от имени Шевелюхина: «Люда, приходи сегодня к мужскому туалету. Буду тебя ждать. Слава Шевелюхин», «Я жить без тебя не могу. Сейчас я к тебе сяду. Твой Слава», «Ну ответь же мне скорей, а то я крикну. Твой любимый Слава». Ей пришлось принять игру, и она отвечала на тех же клочках: «Обязательно буду». До этого Яхонтов обстреливал ее бумажками».

Вы скажете: это не дневник, а детский лепет и детские шалости? Так я и пишу о детстве.

Сам сомневался, стоит ли вытаскивать на белый свет эти записи. И решил, что не имею права выбросить их (или оставить на антресолях, чтобы выбросили потомки). Диалоги и цитаты из школьных записок — самые что ни на есть настоящие, неретушированные, не по памяти воспроизведенные. Из наших самых необыкновенных годов.

Вскоре вдруг выяснилось, что в Беляеву влюблен еще и Саша Гурьев! И он принял решительные, с его точки зрения, действия. Добился, чтобы сесть вместе с Людой. Его родители поговорили по душам с Василием Александровичем. И тот 5 февраля 1975 года в начале урока русского языка скомандовал:

— Гладнева! Поднимайся и пересаживайся к Карлову. Гурьев! Поднимайся и садись к Беляевой. Лучше, если девочка сидит с мальчиком.

Галя Гладнева, которая долго сидела с Беляевой, ее лучшая подруга, опешила. А Гурьев обернулся ко мне с довольной ехидной улыбкой. Мальчик был невысокого роста, но симпатичный, с ровно торчавшими ушами. Эффектные улыбки он удачно перемежал с остроумными шутками. Должен был нравиться всем девочкам.

И этим дело не кончилось. Из книг и кино всем было известно, что за девочек надо драться. Саша привлек для этого своих друзей Сережу Дюкарева и Игоря Сугака.

«13/III-75 г. Ходили с Гурьевым, Дюкаревым и Сугаком разбираться в сквер на Фридриха Энгельса». Запись на этом кончается, продолжу без «дневника».

Март холодный. На тротуаре слякоть. Пустынный сквер напротив шахматного клуба запорошен снегом. На месте снесенного жилого домика растут красивые ели и кедры. Рядом, на катке-спортплощадке, играет не подходящая для такого момента музыка: «Я пригласить хочу на танец Вас, и только Вас...».

— Попик, ты знаешь дом Беляевой? — вопрошает Дюкарев.

— Не знаю.

— Бреешь, знаешь! Сейчас тебя будут бить!

Втроем против одного — конечно, нельзя. И поэтому «действует» один маленький, низкий Сережа. Заносит кулак и режет мне в челюсть... так, как это делают дублеры в кино. Ласково касается. А с виду будто ударяет. И я ему отвечаю тем же.

Мы все хорошо знаем, как снимают кино. А разве мы не актеры в этом эпизоде? В любом случае, они же все мои хорошие друзья — и Саша, и Сережа, и Игорь. С Игорем вообще дружим с первого класса. (Он и сейчас мой друг.)

Да, Саша с Игорем стоят рядом и улыбаются. И на этом мы прощаемся. Все довольны — провели мероприятие как бы для галочки...

Если бы действие развивалось не в центре города и если бы его развивали не мальчики из интеллигентных семей, картина наверняка была бы другой. Вскоре, 19 апреля, мы с ребятами вдесятером убежим на водохранилище с контрольной работы по геометрии, и там шпана с Чижовки как следует врежет нам по зубам и губам! Даже безо всяких разговоров о девочках: *«Плетнев сказал, что у него нет 10 коп., и вывернул карманы. Но ему сильно заехали в челюсть. Он закричал: «За что?» и повернулся от следующего удара. Но тут вывернули карманы мне, и там оказались 20 коп., поэтому мне сразу разбили губу».*

Да и что толку, что Саша сел с Людой? Я ведь сидел за ними, сзади за соседним столом. Разглядывать Люду в затылок мне было гораздо удобнее, чем Саше. И она часто оборачивалась именно ко мне за помощью: просила решить трудный пример по алгебре или проверить текст по русскому. Я то задачу по физике ей делал, то лабораторную работу по химии доделывал. Не однажды писал сочинения по

литературе. Случалось, что физику делал для нее, сидя на литературе, или наоборот.

Месяца через два Гурьев выбрал место рядом с Ирой Барановой — еще одной девочкой, сравнимой с милыми девочками моего детского садика. Что ж, Люде стало удобнее оборачиваться.

В ответ Люда помогала мне заполнять школьный дневник. Учителя требовали, чтобы были записаны все домашние задания напротив каждого названия предмета. Но многие ученики оставляли эти строки пустыми. И я не любил писать лишнее.

Спасибо Люде. Благодаря ее строчкам теперь я вспоминаю, чем же, собственно, была занята голова на литературе, помимо разговоров и записок! Как Тарас Бульба прикончил сына, как мужик накормил генералов на необитаемом острове...

В восьмом классе вместо Василия Александровича нам будет преподавать литературу Зинаида Ивановна Казьмина. Она сможет держать в руках и класс, и себя. Никаких гроыхающих указок. Молча — ни шага в сторону ни с урока, ни от установленных трактовок лермонтовских или толстовских строк.

И вдруг однажды среди строго установленных тем и выводов Зинаида продиктует:

— Запишите тему сочинения: «Отзывчивость советских людей»!

Ничего не объяснит заранее. Как гром среди белого дня.

Люда Беляева, конечно, сразу обернется ко мне за помощью. О чем вообще писать-то?

Хотя сейчас у меня есть билет члена Союза писателей России, не уверен, что смогу повторить тот подвиг: за 45 минут придумать и написать два разных сочинения на одну тему. А тогда написал.

Подумал минут пять и вспомнил, как летом ехали с отцом в Крым. К нам в купе подсел какой-то усталый молодой человек. Он не смог поступить в Борисоглебское летное училище даже с третьей попытки. Истратил на поездку все деньги. Ничего не ел с утра до позднего вечера. Папа покормил его нашими многочисленными бутербродами и напоил пивом. Ночью, когда мы спали, человек сошел на своей станции. Утром увидели записку на столике: «Александр Александрович, спасибо за радушие! Со мной в этом году впервые обошлись так по-человечески».

Зинаида поставила мне «5/5», то есть «пять» за содержание и «пять» за грамматику. Хотя чаще ставила «4/5», «5/4» или «4/4». Она любила придираться к самым незначительным случаям, когда, по ее мнению, недоставало или, наоборот, не требовалось запятой. И только Зинаида выводила мне в четверти «четыре» по русскому. Что ж, спасибо ей за вьедливость. Иначе, глядишь, и растерял бы свои навыки «носовской» грамматики.

А Люда получила за мое второе сочинение «3/4». Она летом не ездила на поезде. Ее родители никого не угощали. И я вмиг выдумал историю, как сама Люда увидела на улице некую беспомощную старушку. Помогла ей купить хлеб и колбасу, перевела через Ленинский проспект и донесла сумку до квартиры. И бабушка сказала девочке, что она — отзывчивая.

Зинаида Ивановна возразила: нескромно хвалить себя саму!! Тройка. Это был не очень понятный урок для нас с Людой. Вокруг тебя должно быть полно отзывчивых людей. Но ты сам не имеешь права быть отзывчивым советским! Еще мал. Прощается, если отзывчивый — твой собственный отец.

Хотя сама тема-то приятная. Веет добрым детством. Так, как веет, скажем, от названий фильмов того времени. Разглядываю на снимках прошлые вывески кинотеатра «Пролетарий»: «Что такое любовь», «Самый хороший человек»...

Слава богу, вторым сочинением на так называемые свободные темы стало сочинение «Мои увлечения». Я написал, что люблю фотографировать. Мол, меня научил папа, а теперь сам хожу по городу и снимаю памятники старины. И закончил: «Я еще точно не знаю, кем буду, но думаю, что моя будущая профессия будет связана с фотографией». Так и сбылось. Фотографом ни разу не работал. Но на двух работах — в «Молодом коммунаре» и «Воронежском курьере» — фотографировал многие события в городе, а на третьей — памятники архитектуры.

Люда написала без моей помощи. Если не ошибаюсь, она изложила, как любит шить. С удовольствием шьет на уроках труда и хочет шить дальше. Сама направила себя в будущее и получила пятерку. И после школы я приходил к ней в гости в ателье на Пушкинской улице. Она работала мастером: командовала швеями. Очень отзывчиво руководила.

Наконец, в 45 лет я менял паспорт. В тот же час и день открылась дверь паспортного стола, и в кабинет вошла... Люда Беляева, только уже под другой фамилией. Как будто повторила свой внезапный вход в Васин кабинет русского и литературы.

Согласитесь, что мы с Людой уже в реальности поучаствовали в эксперименте: бывает ли машина времени? Вопреки всем скептикам.

